

Шерше ля вамп

Автор:

Юлия Набокова

Шерше ля вамп

Юлия Валерьевна Набокова

VIP значит вампир #2

Жизнь вампира полна сюрпризов. Не успела Жанна Бессонова толком освоиться в элитарном Клубе бессмертных, как приходится срываться с места и лететь в Париж. Отныне она – богатая наследница процветающих предприятий, особняков по всему миру и старинного замка в предместье Парижа. Вот только что за таинственные незнакомки собираются в этом замке после полуночи? Чего боятся парижские вампиры? И как дорого придется заплатить за роскошное наследство?

Юлия Набокова

Шерше ля вамп

Глава первая

Вампирский Новый год

Новый год вампиры отмечали с королевским размахом.

Для торжества выбрали самый роскошный из ресторанов Клуба – «Версаль». Снаружи стояла пушистая елка в шикарном наряде из рубиново-красных шаров и хрустальных бус. Макушку ее венчала горделивая золотистая корона. Снежинки, ложась на ветки и глянцевые бока шаров, казалось, одевали ель в королевскую мантию. С уличной красавицей соперничала «хозяйка дома» – та, которой предстояло свысока взирать на танцующие пары, горделиво демонстрировать елочные игрушки, до самого утра выслушивать поздравления и тосты и удивляться тому, какое сокровенное значение люди придают смене календаря. Ель, стоящая в банкетном зале, пестрела игрушками и шарами самых разных мастей. По традиции, каждый из вампиров, присутствующих на вечеринке, заранее приносил одну игрушку для украшения ели – самую памятную ему, самую любимую.

Я выбрала Золотую Рыбку – игрушку из моего детства, и теперь, стоя у переливающейся огнями елки пыталась разыскать свою рыбку среди нескольких сотен стеклянных снегурочек, забавных зайцев и медведей, сов и попугаев, гномиков и фей, шишек и шаров всех цветов радуги.

– А вон мой! – Рукой в перчатке Аристарх указал на изящный домик, припорошенный снежной пылью. Окошко домика светилось нарисованным светом.

Я взглянула на сияющее лицо деда и улыбнулась. Как символично: я все еще верю в чудеса и принесла Золотую Рыбку, а Аристарх, мечтавший о домашнем очаге и семье, повесил на елку домик. Его мечта сбылась в уходящем году – он нашел родных. Сына, который никогда не узнает о том, что Аристарх – его отец, и внучку, которая разделит с ним горести и радости вампирской жизни. Роман между Аристархом, тогда еще обычным французским дипломатом, и бабушкой Лизой, тогда еще советской студенткой, завязался пятьдесят лет назад во время визита комсомольской делегации в Париж. Мой папа до сих пор не подозревает о своем истинном происхождении и считает отцом бабушкиного мужа Михаила. Правда открылась случайно: увидев вампира Аристарха в известном ток-шоу, бабуля пришла в крайний ажиотаж и принялась уверять, что мой босс (я тогда только-только уговорила вампира взять меня в редакцию мужского журнала, который он возглавляет) – вылитый Александр, с которым она познакомилась в Париже в молодости. А потом бабуля проговорила, что Александр был не просто знакомым. Аристарх, поставленный перед фактом, своей вины не отрицал. Напротив – страшно обрадовался известию о том, что у него есть сын, а тем более внучка в моем лице. По его просьбе пришлось даже устроить

семейное застолье, представив вампира в качестве своего жениха. Разумеется, мои родственники не в курсе существования вампиров. Правила вампирского Клуба сродни правилам бойцовского. Помните, как в кино? Никому не говори о Клубе. У нас то же самое. Поэтому Аристарх был представлен в качестве моего жениха и совершенно очаровал все мое семейство. Теперь никто из родственников не удивляется тому, что Аристарх то и дело бывает у меня в гостях. Только никому невдомек, что за закрытыми дверями мы не любовным утехам предаемся, а листаем семейные альбомы, смотрим домашнее видео и беседуем о бабушке Лизе и папе. То-то родители удивились бы!

А мое желание? Я наконец-то отыскала взглядом рыбку, взобравшуюся под самый полоток. Рядом с ней парил прекрасный фарфоровый ангел – игрушка такой тонкой работы, что ей, должно быть, было не меньше ста лет. О чем мне попросить рыбку? Какое желание загадать под бой курантов? Я еще не решила. Разве что попросить покоя?

В последние месяцы уходящего года потрясения следовали одно за другим. Я стала вампиром, я нашла среди вампиров своего настоящего деда, моего парня Глеба убили, моей жизни не раз угрожали и, защищаясь, мне самой пришлось убивать. После той ночи на фабрике, когда мы схлестнулись в поединке с Жаном – вампиром, встреча с которым изменила всю мою жизнь, я почти не выходила из дома, проводя дни за чтением журналов в обнимку с моей кошкой Маркизой. Подруг у меня почти не осталось. Соседка Настя, оказавшаяся, волшебницей, меня избегает – вампиры и маги издавна не выносили друг друга. Бывшая коллега по риэлторскому агентству Саша, с которой мы были раньше неразлучны, теперь пропадает на свиданиях с Ирвингом – вампиром из числа Гончих, которые выполняют в вампирской структуре роль суда и следствия, а заодно тайком избавляют город от преступников, выкачивая из них кровь до последней капли. Разумеется, Саша не подозревает о том, кто этот мужественный блондин на самом деле, как не имела представления о том, кем стала я сама. События той ночи, когда Саша оказалась в заложницах у Жана, были аккуратно стерты из ее памяти. А вот симпатия к Ирвингу осталась... Увлечение Саши меня тревожило, но, когда я попросила главу Гончих Вацлава поговорить со своим подчиненным, тот резко отчитал меня, чтобы я не вмешивалась не в свое дело.

– Ну, если с Сашкой что-то случится!.. – вспыхнула я.

– Ирвинг ее в обиду не даст, – отрубил Вацлав, и на этом разговор был окончен.

Накануне Нового года вампирский бомонд был увлечен подготовкой к главной вечеринке, а у меня не было желания даже на то, чтобы выбрать себе платье. Аристарх регулярно заезжал ко мне, докладывая о новых коллекциях в московских бутиках и искушая каталогами, а я смотрела на него в недоумении. Не так давно я убила человека, а он толкует мне о новом платье? Вся моя жизнь изменилась так стремительно, что я не могла найти себе места. Жить так, как раньше, я уже не могла. Жить по-новому еще не научилась. Я пообещала себе, что первого января начну новую страницу своей жизни. И от этого момента меня теперь отделяло меньше часа.

Весь вампирский свет был уже в сборе. Зал на пятьсот человек был полон, и половина из этих пятисот была мне знакома если не по прежним вечеринкам, то по страницам газет и выпускам светской хроники. Актеры, спортсмены, телеведущие, модели... Поредели только ряды поп-звезд. В эту ночь они традиционно давали концерты, и публика знать не знала, кто на самом деле выступает перед ними.

Бывшая супермодель, а ныне старейшина Моника блистала в красном платье от Валентино, и на ее смелый разрез заглядывались все вампиры в зале. Интересно, куда смотрит ее парень Влад Карасик? И где он сам, кстати? Даже Аристарх чуть шею не свернул, провожая взглядом итальянку. Попросить, что ли, у рыбки такое же платье?

Даже Светлана, предпочитавшая обычно джинсы и майки, для новогодней ночи выбрала женственное кружевное платье цвета лаванды и выглядела сногшибательно. Когда-то именно с появления этой задорной вампирши на пороге моего дома и началось мое посвящение в тайны Клуба. Именно Лана рассказала мне, как у них все устроено, и ввела меня в курс дел.

Вокруг Ланы мотыльком вился психолог Владислав – по-прежнему элегантный и утонченный. Поболтав с ней немного, я отошла в сторону – если у этих двоих что-нибудь получится, я буду только рада. Светлана тяжело переживала смерть Глеба, с которым у нее в прошлом был роман, и впервые с его похорон вышла в свет. Надеюсь, Владислав не даст скучать ей этим вечером, и, хочется верить, его интерес к ней не сугубо профессиональный.

Я обвела взглядом толпу, выискивая вампира, которого я сегодня очень хотела бы увидеть... Но, очевидно, у Вацлава были дела поважнее, чем пить

шампанское и водить хоровод вокруг елки. Ни его, никого из его команды на празднике в «Версале» не было.

Мой взгляд задержался на влюбленной парочке, воркующей за столом. Супруги Нелли и Оскар, которых можно принять за молодоженов, с нежностью держались за руки. По ним и не скажешь, что они вместе уже семьдесят пять лет. Бывают же и среди вампиров примеры вечной любви! Нелли и Оскару можно только позавидовать... А не попросить ли у рыбки такой же любви?

– О чем задумалась? – Аристарх схватил меня за руку и увлек в хоровод, в котором кружили вокруг елки уже порядком захмелевшие вампиры. Каждый раз, делая круг, я торопилась отыскать глазами знакомую игрушку, парившую почти под самым потолком рядом с фарфоровым ангелом. И рыбка, поблескивая золотым бочком, словно обещала мне: все будет хорошо!

Хоровод распался за несколько минут до полуночи, и все вдруг бросились врассыпную, торопясь раздобыть шампанское. Растворился в толпе и Аристарх, пообещав вернуться с бокалом. Попросить, что ли, у рыбки, чтобы весь год был таким же беззаботным, как сегодняшний вечер?

– Ты быстро! – Я взяла протянутый мне бокал и только потом подняла глаза. Кровь забурилась, как пузырьки в шампанском. Вацлав! И, как всегда, верен себе. Ни костюма по случаю праздника, ни смокинга. Даже куртку не снял, словно заскочил в ресторан всего на минуту. Хотя что-то в нем не так. Ба, да он же побрился! Впервые с момента нашего знакомства вижу его без щетины. Вдруг захотелось коснуться его щеки рукой, почувствовать, какова на ощупь его кожа...

– Ты отлично выглядишь. – Он скользнул взглядом по моему декольте.

– А ты все-таки пришел. – Я улыбнулась, глядя, как в его темных глазах отражаются мерцающие огни новогодней елки, и, взяв его за руку, потянула к елке. Он с удивлением последовал за мной. – Какая из них твоя?

– Дурацкая традиция, – он усмехнулся.

– Только не говори, что ты явился без игрушки!

Впрочем, если он и не собирался приходить, а решился в последний момент...

– Вон та. – Он указал взглядом под потолок, где переливалась в свете огней Золотая Рыбка.

Это моя, хотела возразить я, но вдруг поняла.

– Ангел?

Он кивнул.

– Он необыкновенный, – шепнула я.

– А твоя? – Он лукаво взглянул на меня.

– Угадай!

Он покрутил головой и уверенно ткнул в игрушечную алую туфельку, принадлежавшую Монике.

– Холодно! – рассмеялась я.

Забили куранты, и мы торопливо чокнулись бокалами, а потом неловко поцеловались в щечку. Моя помада оставила на его коже алый след, прикосновение его губ легло на мою кожу легким ожогом. Мое сердце забилось золотой рыбкой, выброшенной на асфальт, но чуда не произошло. Вацлав отстранился, а я залпом опрокинула в себя шампанское, даже не почувствовав его вкуса и забыв о том, что надо загадать желание. Интересно, а он успел? Губы Вацлава шевельнулись, но расслышать, что он говорит, было невозможно, из-за гвалта поздравлений и грохота мелодии «Happy New Year» группы «ABBA», которая грянула с наступлением полуночи.

– Что? – Я наклонилась к нему.

Но тут к нам подскочил Аристарх, и я окончательно оглохла от его поздравления, которое он прокричал мне прямо в ухо. Поняла только, что он очень рад тому, что старый год подарил ему меня, что новый год уже начался

для него счастливо – потому что он встречает его со мной. Только потом Аристарх заметил Вацлава:

– О, и ты здесь? С новым годом, с новым счастьем! А это тебе! – Дед обернулся ко мне и сунул в руки бархатную коробочку.

Внутри оказались изумительные золотые сережки с сапфировыми капельками.

– Ого! – вырвалось у меня.

– Помнишь, я говорил, что к твоим глазам подойдут сапфиры? Давай помогу надеть!

Аристарх закружился вокруг, оттесняя меня от елки, а Вацлав бросил «Ну, я пошел» и развернулся, чтобы уйти. Как вот так, сразу? Я еще не успела возмутиться, как рука уже потянулась к нему.

– Может, останешься? – Я удержала его за локоть.

Аристарх, которого я нечаянно толкнула, уронил вторую сережку и присел на колени, шаря рукой у наших ног. Вацлав поднял сережку, которая укатилась под елку, и шагнул ко мне. Так близко, что я видела свое отражение в его глазах. Всего лишь на мгновение. Потом он наклонился ко мне, заправил прядь моих волос за ухо и вдел в мочку сапфировую капельку.

От этого его движения я захмелела больше, чем от выпитого залпом шампанского. Смешавшись, я опустила глаза и заметила блестящий уголок небольшой подарочной коробки, выглядывающей из кармана куртки Вацлава. Сердце сделало радостный кульбит. Неужели этот подарок – мне?

Перехватив мой взгляд, он вспыхнул и задвинул коробку в карман. Вкус шампанского во рту вдруг сделался горче полыни. Размечталась! А то ему некому больше подарки дарить. Не для меня он выбирал в магазине эту милую безделицу, не для меня упаковывал ее в искрящуюся фольгу, не меня хотел ею порадовать... Интересно, какой подарок приготовил Вацлав для своей любимой – духи? Зеркальце? Изящную статуэтку?

– Сапфиры очень идут к твоим глазам, – отрывисто сказал он, избегая смотреть на меня.

«Зачем ты пришел?» – хотелось закричать мне, но я улыбнулась и сказала:

– Спасибо. Аристарх знает толк в драгоценностях.

Вацлав коротко кивнул, а Аристарх польщенно просиял:

– Я же говорил, что сапфиры – это твой камень!

– Веселого нового года, – уронил Вацлав и развернулся, чтобы уйти.

Я уже не делала попыток его остановить. Он пришел не ко мне и торопился туда, где его ждут. К той, для кого выбирал подарок. К той, ради кого побрился впервые с тех пор, как я его знаю.

– Уже уходишь? – окликнул его Аристарх.

– Работа, – соврал Вацлав и растворился в толпе гостей.

Пробка от шампанского пролетела над моей головой и ударила в елку, прицельным залпом разбив одну из игрушек. Аристарх ахнул. Желтые осколки золотой рыбки упали мне под ноги.

Тоже символично. Желание, которое я так и не осмелилась загадать, никогда не сбудется.

Я поблагодарила Аристарха за подарок. Я танцевала до самого утра. Я пила шампанское, пытаюсь заглушить горечь. Я не помнила, как оказалась дома. Наверное, меня привез Аристарх.

А через несколько дней на пороге объявился французский нотариус.

Глава вторая

Вампирша на миллион

Спустя время я оценила иронию судьбы, согласно которой я становилась единственной единокровной наследницей вампира, которого сама же и убила. Но когда на пороге моей квартиры появился серьезный французский нотариус, я даже слушать ничего не хотела. Месье Гренье, выставленному за дверь, пришлось обращаться за помощью к тяжелой артиллерии в лице Вацлава и Аристарха – единственных людей, имевших на меня влияние. Аристарх, понятно, благодаря родству. Кроме того, мой дед – один из старейшин. С Вацлавом мы, к счастью, ни в каких узах не состоим, хотя он и настойчиво предлагал мне местечко в своей команде ищеек. Но нам пришлось немало пережить вместе, так что я научилась доверять этому молчаливому вампиру, который, кстати говоря, не доверяет никому, кроме себя самого.

В последний раз до новогодней вечеринки мы втроем собирались не по самому приятному поводу. Жан, могущественный французский вампир, случайно сделавший вампиром меня, прибыл в Москву, чтобы получить последний амулет из дюжины Серебряных Слёз. Каждая Слеза воплощала в себе добродетель последнего лорда вампиров и, согласно легенде, тот, кто соберет все частицы вместе, станет править кровопийцами всего мира. Другие вампиры были не в восторге от идеи попасть под командование Жана, известного своей жестокостью и беспринципностью. Московские старейшины, оберегавшие недостающую Жану Слезу, никогда бы не выдали ее ему. Поэтому тот, узнав о родстве старейшины Аристарха со мной, похитил бабушку Лизу в расчете, что я и дед приложим все усилия, чтобы освободить заложницу в обмен на его требования. И не прогадал – я сделала старейшинам предложение, от которого они не могли отказаться. Аристарх, естественно, меня отговаривал, остальным моя идея пришлась весьма по вкусу.

С первого дня, как я появилась в Клубе, старейшины боялись меня как прямой наследницы Жана и беспокоились, как бы его дурная и вместе с тем могущественная кровь не превратила меня одновременно в *supergirl* с неограниченными способностями и в неконтролируемую маньячку, опасную как для вампиров, так и для людей. Поэтому, когда я, пылая ненавистью к Жану, пообещала убить его, старейшины справедливо рассудили, что наш поединок станет смертельным для нас обоих, и рискнули выдать мне две Серебряные

Слёзы, которыми я собиралась выкупить жизнь бабушки.

Гончие были поблизости от места встречи. Как только заложницы – бабушка и моя лучшая подруга Саша, были освобождены, а мы с Жаном схлестнулись в рукопашной, они ворвались в здание заброшенной фабрики, напичканное головорезами Жана. Я переоценила свои силы – Жан одолел меня, забрал недостающие амулеты и воссоздал легендарную Чашу последнего лорда. Сказка, в которую до конца никто не верил, оказалась страшной былью: Гончие, растерзавшие охранников Жана, подчинились силе Чаши и признали Жана своим властелином. Даже Аристарх, сражавшийся наравне с Гончими, склонил голову перед французом. Если бы не Тринадцатая Слеза, воплотившая в себе ненависть последнего лорда, погибшего от рук предателей, даже не знаю, чем бы все закончилось...

Слеза, в существовании которой сомневались и в которую не верил даже Жан, оказалась в руках московских старейшин незадолго до приезда француза. Роковой амулет стал причиной безумства одной из старейшин, Инессы, и привел к гибели восьми вампиров, среди которых был и мой любимый – Глеб. Передавая мне Слезу Силы, которую требовал Жан, старейшины подстраховались, вручив мне и Слезу Ненависти – она еще больше усилила мою неприязнь к французу и превратила меня в машину убийства.

В тот момент, когда Жан, держа в руках Серебряную Чашу из двенадцати фрагментов, подчинил себе всех вампиров, находящихся рядом, Тринадцатая Слеза, кулоном висевшая у меня на шее, обожгла меня огнем. Подчиняясь порыву, я сорвала ее с цепочки и кинулась к Жану, чтобы прижать ее к сердцу вампира. Слеза серебряной пулей вошла в сердце. Жан умер, кажется, так и не успев понять, что же произошло. А я, завладев Чашей и став в глазах вампиров повелительницей, поспешила избавиться от рокового серебра, бросив в Чашу Слезу Ненависти. Амулеты погибли в магическом пламени. За исключением одного.

Аристарх узнал прямоугольную подвеску, отлитую из Слезы Милосердия, и выхватил ее из огня, невзирая на адскую боль. Подвеска стала моим оберегом от крови Жана, наградившей меня вспышками неконтролируемой ненависти, во время которых я могла убить человека. А Аристарх теперь неразлучен с черной перчаткой, скрывающей искаленную кисть. Увечья, полученные в магическом огне, неизлечимы. И даже наша способность к регенерации здесь оказалась бессильной.

Я очень благодарна деду за этот поступок, предоставивший мне выбор – оставаться собой или сделаться кровожадной преемницей ненавистного мне Жана. Поэтому, когда настырный нотариус заявился ко мне домой в сопровождении Аристарха и Вацлава, пришлось впустить служителя Фемиды и даже организовать чайные посиделки на кухне. Вступление речи нотариуса я прослушала, ибо меня так и подмывало спросить у Гончего, как прошло его новогоднее свидание и оценила ли счастливая избранница его подарок вкупе со свежевыбритыми щеками. Однако, судя по хмурому виду Вацлава, девица если не совсем продинамила его, то нервов потрепала достаточно.

Нотариус тем временем объявил, что он был личным душеприказчиком Жана, и завел речь о его завещании, мне сделалось не по себе, и я с опаской скосила глаза на Аристарха с Вацлавом. Именно они настояли на том, чтобы сохранить в тайне произошедшее на заброшенной фабрике. Огонь, который развел Вацлав, уничтожил все следы, и вампирская тусовка знала о случившемся только со слов главы Гончих. Версия для публики была не просто подретушированной, она была бесконечно далека от правды. Я, например, в деле вообще не фигурировала и к гибели Жана никакого отношения не имела. Вацлав опасался, что последователи Жана могут мне отомстить, и взял всю вину на себя. О Серебряных Слезах не было сказано ни слова – зачем волновать народ, если все легендарные амулеты погибли в огне? А о том единственном, которым теперь владею я, известно только Аристарху и Вацлаву. Мужчины решили сохранить это в тайне даже от других старейшин, опасаясь, что Слезу у меня отберут. В общем, публике было объявлено, что в результате столкновения Жана и его боевиков с Гончими во главе с Вацлавом на заброшенной фабрике начался пожар, и вся французская банда погорела. Вампиры эту новость восприняли с недоверием, и гибель Жана обросла самыми различными слухами: сперва шептались, что Жан не погиб, а лишь фальсифицировал свою смерть. Затем генетическая экспертиза обнаруженных останков подтвердила гибель вампира, и заговорили о специально спланированной операции Гончих по уничтожению Жана, о старых счетах Жана и Вацлава, которые были примерно ровесниками. Судачили даже, что эти двое не поделили любовницу (меня, кого же еще!) и схлестнулись в кровавой дуэли. Но ни один самый невероятный слух не приблизился к правде. Никому и в голову не пришло, что это я могла убить Жана.

И вот теперь является душеприказчик Жана, заводит разговор о его смерти. Вацлав сидит с отсутствующим видом. Аристарх сияет, как легендарный алмаз «Санси», начищенный к международной ювелирной выставке. Кто-нибудь мне

объяснит, что происходит?

– ... а также движимого и недвижимого имущества в Париже, Ницце, Тулузе, Лондоне, Риме, Монако, – по-французски зачитывал месье Гренье, пока я сверлила недоумевающим взглядом то Вацлава, то Аристарха. Французский-то я понимала, спасибо бабуле-переводчице, но вот что здесь происходит...

Но тут душеприказчик выпалил еще пару названий европейских городов, осекся, и все трое мужчин уставились на меня с разным выражением. Нотариус профессионально демонстрировал любезность, но в глубине его глаз чувствовалась то ли злость, то ли зависть. Аристарх ликовал, а Вацлав испытывал прямо противоположные эмоции, хотя и пытался их скрыть за безразличной миной. Он был раздосадован и расстроен, как успешный бизнесмен, у которого более ловкий конкурент прямо из-под носа увел большой контракт.

Пауза затянулась, и только я собралась поинтересоваться, что, собственно происходит, всех троих вдруг прорвало:

– Поздравляю! – прозвучало хором по-русски и по-французски, в котором отчетливо слышалось радостное поздравление Аристарха, учтивое – месье Гренье и сдержанное – Вацлава.

Я озадаченно молчала, пытаюсь решить хитроумную загадку. Что же такого вещал нотариус, пока я его не слушала, если начал он со смерти Жана, принесся мне, как его кровной преемнице, искренние соболезнования, а закончил бурными поздравлениями? Не дай бог, согласно духовному завещанию вампира, ко мне переходят все его тараканы в голове и извращенные способности. Хорошо еще, если для этого потребуется особый обряд и у меня есть надежда избежать постылого наследства. А вдруг, все уже свершилось по умолчанию, и меня просто ставят в известность – мол, живи и пользуйся? Тогда понятно, почему приуныл Вацлав. Но, позвольте, отчего же так счастлив Аристарх? И причем тут Ницца, Монако и какая-то Тулуза?

– Кажется, она онемела от радости, – саркастически изрек Вацлав.

– Что ж тут удивительного! – Аристарх в волнении затеребил край черной перчатки.

Нотариус почтительно молчал: видимо, ему шокировать клиентов не в диковинку, и он привык к любой реакции, кроме равнодушной.

Равнодушной я не выглядела. Озадаченной – вполне.

– Не могли бы вы повторить? – решила я. Уж лучше признаться в том, что пропустила его слова мимо ушей, чем строить нелепые предположения.

– С самого начала? – Месье Гренье не выдал удивления и раскрыл кожаную папку.

Но Аристарх его опередил, вскочив из-за стола, и воскликнул:

– Жанна, да что тут повторять! Ты – единственная наследница всего состояния Жана Лакруа!

– Тише, – поморщилась я, покосившись на часы – первый час ночи, – соседей перебудишь.

И только тут до меня дошло:

– Что ты сказал?!

– Век бы слушала? – поддел меня Вацлав.

– Все состояние Жана – теперь твое! – радостно подтвердил Аристарх.

– Включая движимое и недвижимое имущество в Париже, Ницце, Тулузе... – заученно протараторил нотариус, закончив список упоминанием замков в предместье Парижа и Праги и острова на Багамах.

– Остров-то ему на что? – ошеломленно выдавила я.

– Ты хоть понимаешь, что это значит? – Аристарх вскочил с места и, в волнении взмахнув руками, задел люстру. – Ты теперь богаче всего московского отделения Клуба вместе взятого!

Вот ведь не было печали...

– Ты теперь будешь жить в замке с кучей прислуги, шить платья у Роберто Кавалли и блистать на венских балах! – размечтался вслух Аристарх. – Ты – теперь самая богатая невеста среди вампиров во всем мире.

И только сейчас я поняла, почему расстроен Вацлав, хоть и пытается не подавать виду. Миллионное состояние, о котором вещал Аристарх, а нотариус ему любезно поддакивал, автоматически исключало меня из кандидаток в Гончие. А ведь Вацлав не терял надежды, что однажды я примкну к ним. Теперь я сама могла нанять для охраны десятков лучших Гончих. Может, предложить Вацлаву возглавить отряд моих телохранителей? Я тут же отсекала подобную мысль – не думаю, что Вацлав сильно обрадуется. Одно дело – видеть меня в числе своих подчиненных, и совсем другое – самому мне подчиняться. Вацлав никогда не согласится на это.

– Так когда вы сможете выехать в Париж? – настойчиво повторил месье Гренье.

– Зачем? – не поняла я.

– Чтобы вступить во владение наследством, чтобы уладить все формальности, – терпеливо пояснил он.

– Думаю, на днях, – решила я.

Нотариус одобрительно кивнул.

– Я займусь билетами и визой.

Он откланялся, Вацлав вызвался его проводить, и мы остались вдвоем с Аристархом.

– Да, в сравнении с таким роскошным новогодним подарком, который преподнес тебе Жан, мой меркнет, – пошутил Аристарх, глядя на календарь, отсчитывающий первые дни нового года.

– А почему Жан оставил наследство мне? – поразила я.

– Ты – его единственная кровная преемница. После смерти вампира его состояние делится между теми, кого он инициировал.

– А если таких нет?

– Тогда все переходит городскому Клубу.

– Что-то мне не по себе, – призналась я. – Состояние Жана и впрямь оценивается в миллионы?

Аристарх кивнул.

– Ты теперь сказочно богата, принцесса.

– Мне теперь нанять толпу охраны и не высовывать носа из замка? – хмуро поинтересовалась я.

– Зачем? – удивился Аристарх.

– Все охотятся за миллионерами из-за наследства, – заметила я.

– Ну и что? Никому нет смысла убивать тебя ради наследства, – успокоил меня Аристарх. – У тебя же нет кровных преемников. В случае чего миллионы отойдут казне, а от этого никому ни тепло, ни холодно... В Париж полетим вместе, – внезапно объявил он и затараторил: – Неужели ты думала, что я отпущу тебя одну? Я и мечтать не мог, что когда-нибудь смогу показать Париж своей внучке. Я самый счастливый вампир на всем белом свете! Заскочу сейчас в «Подземелье», там сегодня должны быть Моника и Руслан, договорюсь со своими старейшими коллегами о каникулах, и начнем паковать чемоданы. Обещаю, ты влюбишься в Париж с первого взгляда!

В Париж я полетела одна. Сопровождение нотариуса не считается. Аристарх в день вылета был вынужден сдать билет: один из его кровных преемников погиб, упав на машине с Крымского моста. Дед остался на похороны и, скрепя сердце,

отпустил меня одну. В аэропорту он долго не выпускал моей руки, как будто боялся, что больше никогда меня не увидит, и все повторял, что, как только уладит все формальности, вылетит в Париж ближайшим рейсом.

Чуть в стороне маялся Влад Карасик. Компьютерный гений, в свое время взломавший базы данных ФБР, тем самым попал под колпак спецслужб и привлек внимание вампиров. Вот уж кого приняли в Клуб безо всяких сомнений! Но Карасик своими знаниями не кичился, запросто подошел познакомиться на вампирской вечеринке в мою честь. А когда понадобилось срочно восстановить утерянный пароль погибшей Инессы, чтобы достать Серебряную Слезу, хранившуюся у старейшин, и спасти бабушку и Сашку, взятых в заложники Жаном, Карасик примчался среди ночи и легко взломал шифр. Правда, старался он не только для меня, но и перед старейшиной Моникой, с которой у них закрутился роман, красовался. Но его заслуг это не уменьшает.

После той ночи мы только раз виделись мельком – Аристарх вывел меня поужинать в «Подземелье», и там же за отдельным столиком ворковали Карасик с Моникой. Когда Моника отлучилась в дамскую комнату, Карасик подошел к нам и, смущаясь, попросил у Аристарха денег взаймы. Аппетиты супермодели явно превышали заработки хакера. Аристарх тогда не преминул пошутить на этот счет, и, судя по изменившемуся лицу парня, он попал в точку. Трудно представить себе более невообразимую парочку, чем эффектная длинноногая Моника и худенький невысокий Карасик.

Юный хакер, которому Аристарх приходился кровным донором, а погибший Эдуард Осокин, соответственно, кровным братом, сегодня был непривычно мрачен и сосредоточен. Трагедия с вампиром по крови стерла безмятежное выражение из его глаз и ямочки с щек, залегла горестной складкой меж бровей, заострила скулы. Карасик как будто за одну ночь повзрослел на пять лет, и в мягких чертах его мальчишеского лица появилось что-то жесткое.

– Ты только звони мне, – твердил Аристарх, – ты только сразу звони!

Внезапно телефон разразился трелью эсэмэски, я взглянула на экран, нажала клавишу «прочитать», но мобильный намертво завис. Как не вовремя-то! Я быстро выключила трубку, включила заново. Но реабилитационные меры, всегда срабатывавшие раньше, на этот раз не принесли никаких результатов.

– Сломался, – удрученно вздохнула я.

– Я куплю тебе новый! – Аристарх взволнованно закрутил головой по сторонам, и тут объявили начало посадки на мой рейс.

– Не успеешь, – озабоченно возразила я. Как некстати остаться без мобильного, когда я улетаю в чужой незнакомый Париж, и телефон – единственная ниточка, связывающая меня с домом.

– Посадку объявили, – сказал Карасик, подходя к нам.

– Да слышали мы, – в расстройстве отмахнулся от него Аристарх. – Так, Жанна, стой здесь, а постараюсь быстро.

– Э нет, я не хочу опоздать на самолет!

– Что у вас тут случилось? – вмешался Карасик.

Мы одновременно посмотрели на компьютерного гения и возликовали. Аристарх принялся объяснять суть возникшей проблемы, я сунула в руки Владу телефон. Он сосредоточенно понажимал кнопки, снял батарею, изучил «внутренности» мобильного и морщинка на его лбу расправилась, сообщая о найденном решении.

– Ну, все понятно, – тоном знатока протянул он и выдал какой-то залихватский термин.

– Ты русским языком говори – починишь? – перебил его Аристарх.

– Отчего ж не починить? Дело плевое, – обнадежил нас Влад. – Всего-то одну детальку поджать надо. – Он огляделся и добавил: – Я только к свету поближе подойду, чтобы не промахнуться.

– Да иди ты куда хочешь, только почини!

Пока Влад отошел в сторонку, Аристарх с прежним энтузиазмом принялся давать мне советы перед дорогой. Как заботливая мамаша, ей-богу!

– Да не волнуйся ты так, не загрызут уж меня твои соотечественники, – пошутила я, желая его успокоить. Но от моих слов Аристарх еще больше разволновался и принялся повторять, чтобы я слушалась его знакомую Вероник, у которой мне придется остановиться, и доверяла ей во всем, а больше никому в парижском свете.

– ...А я, как только смогу, первым же рейсом вылечу за тобой, – в который раз повторил он и уставился на меня взором беспокойной мамы, которая впервые отлучает ребенка от своей юбки и отправляет в школу – на съедение злым учителям и вредным одноклассникам.

– Готово, – Карасик протянул мне телефон. Я убедилась, что он работает, и расцеловала заалевшего, как маков цвет, Влада. Да уж, больно ему нужны мои поцелуи! Когда у него в гёльфрендах – сама супермодель Моника, да к тому же старейшина, между прочим!

Последний месяц Карасик и Моника были неразлучны и уже не скрывали своих отношений. Только трагедия с Эдуардом Осокиным смогла их разлучить. Монике на правах старейшины пришлось улаживать какие-то формальности, а Карасик отправился с Аристархом в аэропорт, чтобы сразу после моих проводов, не теряя времени, заняться организацией похорон. Как коротко пояснил мне Аристарх, у Эдуарда, хотя он и был молодым вампиром, родственников среди людей не оказалось. Парень был круглым сиротой, поэтому похоронами должны заняться самые близкие ему по крови среди вампиров – Аристарх, Карасик и какой-то неизвестный мне Герман Воронов, который был в отъезде в Венеции, но, узнав о случившемся, срочно вылетел в Москву. Его самолет десять минут назад приземлился в этом же аэропорту. Карасик уже побежал встречать Германа, а Аристарх все держал меня за руку и сыпал советами.

– Дед! – твердо сказала я, пресекая дальнейшие рекомендации. – Не переживай ты так, все будет хорошо!

– Продолжается посадка на рейс Москва-Париж, – повторили по радио, и я потянула Аристарха к нужному сектору.

– Еще рано! – запротестовал он.

– Так там очередь!

– Для пассажиров бизнес-класса очередей не существует, – улыбнулся он. – Привыкай к красивой жизни!

Это был щедрый жест Аристарха. Он сам заказывал билеты в Париж для меня и уже ожидающего в зале вылета нотариуса и рассудил, что мне как наследнице миллионов Жана не подобает лететь экономом.

– А вот и Герман! – Аристарх приветливо махнул рукой спешащей толпе, и я вытянула шею, пытаюсь разглядеть вампира, посвященного моим дедом.

Не заметить его было невозможно. Он выделялся в серо-черной толпе, как белая ворона. И сам он был белым – от бесцветных ресниц до кончиков волос, лишенных пигмента. Альбинос. Как безумный убийца в фильме «Код да Винчи».

– Это – Герман? – ошеломленно прошептала я, увидев, что альбинос уверенно направляется к нам, а рядом с ним вышагивает Карасик – совсем маленький на фоне двухметрового блондина.

Аристарх кивнул. Экзотичного вида вампир поравнялся с нами и протянул мне руку для рукопожатия:

– Герман Воронов.

Вот уж и впрямь белая ворона! Рукопожатие вышло сильным и энергичным, в льдистых светло-серых глазах зажглись искорки интереса.

– Рад с вами познакомиться, Жанна. Я много слышал о вас.

– Не верьте этим гнусным сплетням. На самом деле я добрая Белоснежка, – многозначительно сказала я, намекая на его внешний вид.

Белесые брови Германа взметнулись вверх, и он рассмеялся низким гортанным смехом.

– Истинная внучка своего деда. Жаль, что наше знакомство окажется таким коротким.

Отчего-то в этой светской фразе мне почудилась скрытая угроза, но Аристарх не проявил ни капли беспокойства, а Герман тут же добавил:

– У вас ведь уже идет посадка?

– Да, пора бы уже поторопиться, – я взглянула на часы. Время еще было, но, честно говоря, я уже порядком подустала от нотаций Аристарха. Да и вести светские разговоры с альбиносом у меня не было никакого желания. Кровный наследник деда внушал мне смутную тревогу и сильное желание очутиться от него подальше. Желательно за тысячу-другую километров.

Мне ужасно хотелось расспросить Аристарха о Германе и понять, что он за птица, но остаться наедине нам не удалось. Альбинос высказал желание проводить меня, и делегация провожающих повела меня на посадку.

У нужной стойки вилась длинная очередь, но мы прошли мимо к скучающей стюардессе у стойки бизнес-класса. Я торопливо поцеловала Аристарха, кивнула на прощание таинственному Воронову, еще раз поблагодарила смущенно заалевшего Карасика за починку телефона и сбежала от них в зону досмотра, досадуя, что Вацлав не то что не изъявил желания сопровождать меня в Париже вместо Аристарха, но даже не пришел меня проводить. Наверное, помирился с этой своей, мымрой! Ничего-ничего, нет на свете такой Анджелины Джоли, которая не нашла бы своего Брэда Питта. И я обязательно найду! Сдался мне сто лет этот Вацлав!

Часы полета промчались незаметно. Сидя в удобном кресле бизнес-класса, я уже начинала ощущать себя миллионершей и входить во вкус красивой жизни. Даже глянцевого журнала, которые я прихватила в самолет, теперь читались по-другому, из витрины красивой, но недостижимой жизни превратившись в каталог доступной роскоши. Если раньше я завистливо вздыхала над их страницами, разглядывая дизайнерские наряды знаменитостей, то теперь деловито помечала маркером все понравившиеся мне шмотки, предвкушая, как пополню свой гардероб, когда получу в распоряжение миллионы Жана. Галерея Лафайет навсегда запомнит тот день, когда я устрою набег на ее бутики. Быть может,

обо мне даже напишут в газете, как еще об одной сумасшедшей русской, которая за день спустила сотни тысяч евро.

Почему Вацлав не предлагал мне свою компанию, я поняла, когда в аэропорту Шарль де Голль нас встретил серьезный коротко стриженный шатен в модном пальто. Гончие свято блюли свои границы, и в Париже за безопасность сограждан и гостей столицы отвечала местная команда.

– Андре, можно просто Андрей, – без улыбки представился шатен на чистейшем русском языке, забирая мою дорожную сумку. – Я руковожу парижскими Гончими.

Коллега Вацлава поднял на меня дымчато-серые глаза, и внезапно меня обожгло, словно огнем. Воспоминание ослепительное, как солнце, и бодрящее, как мятный холодок, вернуло меня в тот далекий московский вечер, когда байкер, имени которого я так и не узнала, украл мое сердце.

Мне было шестнадцать, когда мы с подругами отправились на День открытых дверей в МГУ, а потом, заскучав в пыльной аудитории, вырвались на шальной весенний воздух и отправились встречать закат на смотровую площадку. Байкеры, стоявшие у обочины, показались нам тогда пришельцами из другого мира. Наши родители уже который месяц втолковывали, что светлое будущее – это институт, востребованная профессия и престижная работа, и настраивали на подготовительные курсы и вступительные экзамены. Байкеры жили в другом измерении. Их мир не был ограничен стенами студенческой аудитории или офиса, их миром была вся земля, все небо и все дороги под этим небом. Они были свободны, независимы и так же далеки от нас, как голливудские иконы, над плакатами которых мы тихонько вздыхали.

– Вот бы прокатиться, – вздохнула самая романтичная из нас, Надя.

– Щас! – разбила ее надежды самая прагматичная, Лера. – Так они и выстроились все в ряд, чтобы тебя покатать.

– Я пошла, – сказала самая непредсказуемая. Я. И, не обращая внимания на удивленные оклики подруг, двинулась к Нему – самому красивому, очень взрослому и безумно увлеченному своим железным другом. Мне пришлось окликнуть его трижды, пока он оторвался от созерцания приборной панели и

поднял глаза. Дымчатые, как асфальт после летнего ливня.

– Чего тебе? – удивленно спросил он, убирая с глаз длинную челку. Каре каштановых волос, придававшее ему сходство с принцем из киносказки «Не покидай», окончательно убедило меня в его «инопланетности». В моем мире одноклассники стриглись коротко, и только принцы могли себе позволить длинные, блестящие, шелковистые волосы... А то, что вместо коня – байк, так и времена другие!

– Хочу прокатиться, – поражаясь своей наглости, выпалила я.

Он не поверил. Он усмехнулся. Он оценил мою смелость. (Тогда я убеждала себя в том, что его покорила моя красота).

– Барс, что там? – окликнул его товарищ, совсем не похожий на королевича из сказочного дворца. Коренастый, с сальными длинными волосами, с густой бородой, с накачанными ручищами, он скорее напоминал гнома, выбравшегося из подземелья.

– Все в порядке, Тор, – ответил ему мой байкер и подвинулся, освобождая для меня место позади:

– Вперед!

Загудел мотор. Я уселась позади, не решаясь до него дотронуться.

– Я люблю скорость, – бросил через плечо он. – А ты?

– Обожаю, – выдохнула я.

– Тогда держись крепче!

Я робко коснулась ладонями кожаной куртки. Мотоцикл сорвался с места, в ушах засвистел ветер – и я вцепилась в байкера, как клещ. Мимо проносилась сине-зелено-серо-белая лента улицы, в которой невозможно было различить ни домов, ни деревьев, ни прохожих. В ушах выло цунами. Во рту появился привкус крови – это я закусила губу, чтобы не вопить от ужаса. Челка, намертво

склеенная лаком, стояла дыбом.

Внезапно мельтешение вокруг резко прекратилось, и на меня дохнул мятный холодок.

– Прости, мы его все-таки не догнали.

Его глаза были насмешливыми и ослепляли, как вспышка фотоаппарата.

– Кого? – непонимающе переспросила я, хлопая ресницами и убирая руки.

– Солнце. Оно от нас убежало.

– Действительно, – неловко улыбнулась я и, осмелев, добавила. – А мы с подругами только за этим и пришли – на закат посмотреть.

– Удивительно, – усмехнулся он. – Я думал, сейчас ходят смотреть только кино.

Я улыбнулась, подыскивая какой-нибудь остроумный и эффектный ответ, который сделает меня умной и интересной в его глазах, позволит мне остаться с ним и кататься, прижавшись к его спине, ночи напролет.

– Ничто не сравнится с... – начала я, но окончание моей искрометной фразы потонуло в реве мотора красного мотоцикла, промчавшегося мимо нас.

Внезапно взгляд байкера стал теплым, как июльское море, и он подался вперед. Сейчас поцелует! – возликовала я. Но он бросил: «Извини, мне пора», стряхнул меня с сиденья и, окатив газом из выхлопной трубы, умчался туда, откуда меня забрал. Я поплелась следом, выискивая глазами подруг. Девчонки встретили меня у смотровой площадки.

– Вот ты где! – воскликнула Лера. – А то этот дикарь вернулся один, мы уж не знали, что и думать!

– Ну как? – охрипшим от восторга голосом пискнула Надя.

– Здорово, – ответила я, глядя им за спину.

Мой байкер страстно целовал длинноволосую рыжую девушку в красной кожаной куртке и узких джинсах. Его мотоцикл так же страстно прижимался к красному женскому мотику – на нем, вне всяких сомнений, примчалась разлучница, в волосах которой запуталось закатное солнце...

Я развернулась и зашагала прочь.

Сейчас, спустя семь лет, он приехал встретить меня в аэропорт Парижа... Интересный поворот. Что ж, если Вацлав так увлечен своей мымрой, то почему бы и мне не закрутить французский роман?

– Чем обязана такой чести? – любопытствовала я.

– Мадемуазель, – он козырнул, насмешливо блеснув глазами, – я отвечаю за вашу безопасность на территории Парижа.

Не узнал, поняла я. Конечно, столько времени прошло... Хотя я его узнала сразу, несмотря на короткую стрижку, несмотря на модный костюм. Потому что для меня та поездка на байке стала приключением, которое запоминается на всю жизнь, а для него она была лишь незначительным эпизодом. Он забыл мое лицо раньше, чем доехал до своей рыжей. А вот мне его лицо еще долго снилось ночами.

– И только? – уточнила я. – А я-то мечтала осмотреть замки в долине Луары. Говорят, отныне мне принадлежит один из них.

– Нет проблем, – быстро отозвался Андрей. – Долина Луары – прекрасное место.

Наверное, там здорово гонять на байках с твоей рыжей, угрюмо подумала я и осеклась, в замешательстве взглянув на Андрея. В ушах молоточком зазвучал голос Глеба: «Все Гончие пережили такое, чего и врагу не пожелаешь. Каждый из них потерял самых близких людей...» Взглянула – и поняла. Рыжая мертва. Эти глаза забыли тепло июльского солнца, подлинную радость и настоящее счастье. Они серы, как февральский лед, и хмуры, как северное небо над Норвегией.

Смешавшись, я отвела взгляд, но мои чувства не ускользнули от внимания Гончего.

– Что-то не так? – нахмурился он.

– Просто устала после перелета, – солгала я.

– Скоро будем на месте, – обнадежил он и повел нас с нотариусом к стоянке.

По дороге я гадала, посадит ли он нас на такси, а сам поедет следом на верном байке. А, может, предложит мне прокатиться с ним? При этой мысли сердце предательски дрогнуло, и я вновь ощутила себя наивной шестнадцатилетней школьницей, а не взрослой вампиршей с почти трехмесячным опытом выживания в вампирской тусовке. Но на стоянке меня ожидало разочарование: Андрей довел нас до черного джипа и, усадив нас в салон, сам сел за руль.

Меня так и подмывало спросить его о мотоцикле, но что-то подсказывало, что делать этого не стоит.

Глава третья

Особняк в вампирском переулке

Машина притормозила у ажурных ворот частного особняка, расположившегося в тихом переулке. Если бы пять минут назад я своими собственными глазами не видела Эйфелеву башню, то ни за что бы не поверила, что нахожусь в самом сердце города.

Парижская старейшина Вероник Нуар, хорошая знакомая Аристарха, настойчиво звала меня остановиться у себя дома. Я отнекивалась, не желая обременять незнакомую мне вампиршу, и просила снять мне номер в отеле. Но Аристарх убеждал, что Вероник – чудесная женщина и радушная хозяйка, что у нее я буду чувствовать себя как дома. Окончательно убедило меня упоминание о том, что особняк Вероник находится в центре французской столицы, в непосредственной близости от бутиков и достопримечательностей, а сама хозяйка – желанная

гостя во всех модных домах Парижа, и она с удовольствием устроит мне шопинг-тур VIP-класса. Хотя после недавних событий мои страсти по шопингу несколько поутихли, все-таки быть в Париже и не прошвырнуться по бутикам – это преступление против моды, которого я себе никогда не прощу. Тем более, я обещала бабушке Лизе привезти шляпку.

Бабуля, разумеется, была не в курсе истинных целей моей поездки: ей и родителям я сказала, что лечу в Париж в командировку от журнала, которым руководит Аристарх.

Вот еще одна проблема с этим наследством – как мне скрывать от родных свалившиеся на меня миллионы? Вот Жан подсуропил! Уж они-то точно знают, что никакого наследства мне не грозит. По маминей линии все предки – рабочие или колхозницы. По папиной – сплошь нищие интеллигенты. Ученые, доктора, педагоги. Разве что бабуля раскроет семейную тайну о своем французском возлюбленном, настоящем отце моего папы. Тогда можно сочинить, что француз оказался богачом, а после его смерти все состояние перешло к моему папе? Но это сколько ж документов придется «подделать» при помощи нотариуса. Да и вряд ли так просто наследство вампира можно отписать человеку...

Андрей вышел из машины и переговорил по домофону, после чего ажурные ворота медленно растворились, позволяя нам проехать на территорию особняка старейшины французских вампиров.

У крыльца нас встретил учтивый дворецкий, а стоило войти в дом, я тут же попала в объятия хозяйки. Вероник была латиноамериканкой и, со свойственным ее землякам темпераментом, едва не задушила меня, восклицая по-французски:

– Жанна, как я рада встрече! Так вот ты какая! Александр мне столько о тебе рассказывал по телефону. Он так рад! А как рада я! Как ты доехала?

Судя по скорости вылетающих фраз и вопросов, ни в комментариях, ни в ответах они не нуждались. Поэтому я только улыбалась и кивала, во все глаза разглядывая вампиршу. Продюсеры мыла душу бы отдали, лишь бы заполучить на главную роль подобную красотку. В облике Вероник знойная красота Латинской Америки соединилась с изысканными чертами европейских женщин, создав поистине экзотический и незабываемый образ. Тонкий точеный носик и высокие скулы дополняли полные чувственные губы. Если бы Вероник была так

же известна, как Анджелина Джоли, еще неизвестно, чье фото в качестве эталона приносили к пластическим хирургам дамочки по всему миру. Я бы скорее поставила на Вероник!

Ее красота была такой совершенной, что в ее реальность было трудно поверить. До нее так и хотелось дотронуться, чтобы проверить, что она реальная женщина, а не компьютерная голограмма. Те, кто увидел бы Вероник на фото, не будучи с ней знакомым, были бы уверены, что ее сногшибательная внешность – заслуга фотошопа. Крупные иссиня-черные кудри, смуглый овал лица, русалочьи зеленые глаза – лучистые и того неповторимого оттенка, как море у самого берега Мальдивских островов. Однажды увидев, ее лицо невозможно было забыть. Наверняка для вампирши, вынужденной регулярно менять имя и место проживания, такая броская внешность создает изрядные проблемы. Зато теперь я прекрасно понимаю, почему Аристарх с такой теплотой отзывался о Вероник. Чтобы у моего ветреного деда и этой умопомрачительной красотки с буйным темпераментом да не было романа – ни за что не поверю! На вид Вероник можно было дать лет двадцать пять, но красота латиноамериканок зреет под жарким экваториальным солнцем куда быстрее, чем у европейек, поэтому хозяйка дома на день своего обращения в вампиры могла быть даже моложе меня. Однако в том, что она старше меня лет на пятьдесят, нет никаких сомнений. Ее бирюзовые глаза – не прозрачная зелень волны, набежавшей на берег, а глубокий морской омут, который скрывает множество тайн и погибших кораблей, о которых их хозяйка предпочла бы забыть навсегда.

Наконец, Вероник отпустила меня и отстранилась, «чтобы хорошенько рассмотреть внучку Александра». По старой памяти она называла Аристарха его настоящим именем. Интересно, какое имя при рождении дали ей самой – Долорес, Мария, Кармен, Филиппа, Эсмеральда? Но не буду задавать бестактных вопросов. Для всех она Вероник, значит, и для меня тоже.

Пока хозяйка разглядывала меня, крутя, как куклу, я вовсю косила взглядом по сторонам, изучая интерьер в классическом стиле: высокие сводчатые потолки, колонны, помпезные вазы в половину моего роста, паркетный пол, рисующий сложные узоры.

– У вас прекрасный дом, – искренне восхитилась я, вклинившись в поток ее комплиментов моей внешности – «какая ты красавица!», «а как похожа на Александра!», «разобьешь сердца всех наших мужчин». – Такой красивый и просторный!

– Ты, должно быть, шутишь! – звонко смеясь, вскричала Вероник.

– Нисколько, – удивилась я. – Дом роскошный!

Разве что к яркой внешности Вероник больше подошла бы вилла в средиземноморском стиле с просторными террасами с видом на море, нежели строгая классика форм и интерьера. Однако в любом интерьере Вероник будет чувствовать себя королевой – с первых минут общения с ней становилось понятным, что эта женщина выросла в роскоши и что богатство и высокое положение не упали на нее, как снег на голову, в отличие от меня, а вошли в ее жизнь с колыбели.

– Роскошный? – Вероник оглушительно расхохоталась, а я в недоумении отстранилась.

Нотариус на мой вопросительный взгляд только пожал плечами, Андрей многозначительно хмыкнул, а лицо дворецкого осталось непроницаемым.

– Мой дом – лачуга Золушки, по сравнению с замком, который теперь принадлежит тебе, – отсмеявшись, пояснила Вероник.

Ужас! Что за Букингемский дворец мне оставил этот пижон Жан?

– Понятно, – воскликнула она, увидев мое вытянувшееся лицо. – Ты его еще не видела! О, дорогая, поверь мне, после того, как ты побываешь там, у меня тебе покажется уже тесно.

Однако реакция Вероник – лишнее подтверждение моей предыдущей догадки об обеспеченном прошлом. В ее голосе нет ни капли затаенной зависти, только радость и чуточку кокетства – она так пылко расхваливает чужие хоромы, что напрашивается на комплимент.

– Ну, пока я там не побывала, останусь при своем мнении, – улыбнулась я. – У тебя замечательный дом.

Судя по тому, как Вероник быстро перешла на ты, церемоний она не любила, и я решила не оскорблять ее выканьем.

– По крайней мере, одно преимущество у него есть, – воскликнула Вероник. – Не приходится пилить на машине двадцать километров до ближайшей булочной.

От такой перспективы я окончательно приуныла. Огромный замок в глуши – мечта маньяка. Такого, каким был Жан! А для меня ценность жилья в первую очередь обуславливается близостью к метро и остановке общественного транспорта. Надеюсь, во Франции другие критерии и мне удастся выгодно загнать «домик в деревне», чтобы потом прикупить просторные апартаменты в двух шагах от метро Арбатская. Благо, опыт риэлтора в прошлой человеческой жизни имеется, и уж на сделках с недвижимостью я собаку съела.

– Пойдем, я покажу тебе твою комнату! – потянула меня за руку неугомонная Вероник.

– Мадам, позвольте мне, – с обидой в голосе вмешался дворецкий, намекая на то, что не подобает хозяйке такого большого дома вести себя, как студентке из общежития, к которой в гости приехала подружка. В конце концов, он-то здесь на что?

– Я сама! – безапелляционно вскрикнула Вероник, увлекая меня к лестнице, ведущей на второй этаж.

Я едва успела попрощаться с нотариусом и Гончим, которые обещали посетить меня завтра и пожелали мне хорошо отдохнуть.

– Ужасно нудный тип! – приглушив голос, посетовала Вероник на дворецкого. – Достался мне от предыдущего старейшины и уже третий год пытается меня строить! Мадам должна то, мадам должна это, мадам не стоит этого делать, – передразнила она.

– То есть он работал еще у прежнего старейшины? – уточнила я.

– И у прежнего, и у всех прежних на протяжении уже пятидесяти лет, – скорчив гримаску, сообщила она. – Прибавь еще те тридцать пять лет, которые он отработал на своего первого хозяина, графа. Представляешь, как мне с ним тяжело?

– Что же он такого натворил? – ужаснулась я.

– В каком смысле? – вскинула брови Вероник.

– Так ведь прислужгой работают только вампиры, отбывающие наказание за провинности, – заметила я, следуя за ней по коридору мимо неосвещенных комнат с открытыми дверьми.

Благодаря свету в коридоре, в комнатах можно было заметить часть интерьера. Массивный стол у окна – это кабинет. Книжные шкафы от пола до потолка – прошли библиотеку. Пластиковый домик, мячи, большой розовый заяц размером с меня – невероятно, но похоже на детскую игровую! А вот бильярдный стол в следующей комнате – здесь уже игровая для взрослых.

– Ах, это! – Вероник махнула рукой. – Бернара обратил в вампира его же хозяин, это случилось еще до Пражского договора. Став одним из нас, граф не захотел расставаться с верным дворецким, служившим его семье долгие годы. А Бернар даже после гибели хозяина не пожелал покинуть свой пост и остался дворецким при старейшине, которому отдали особняк графа. Старейшины меняются, а Бернар остается. Для него даже сделали исключение: он не подчиняется закону о миграции и продолжает жить в Париже уже который год. За пределы особняка он не выходит с тех пор, как построили Эйфелеву башню. Говорит, не может видеть, как портят облик милого его сердцу города! Родственников у него нет, так что совет старейшин решил не высылать старика и закрепить его за этим домом. А Бернар и рад стараться. Все время меня учит, учит, – Вероник страдальчески закатила глаза. – Он живет по правилам прошлого века, и меня стремится в эти рамки загнать... Пришли!

Вероник свернула в одну из комнат, включила свет. Я вошла следом. Все правильно, гостевые спальни – в конце коридора, чтобы ни резвящиеся детишки в игровой, ни взрослые, гоняющие шары в бильярд, не мешали покою других гостей. Судя по обилию комнат, в этом доме одновременно можно принять целую делегацию.

Вошла – и замерла на пороге. Комната, оформленная в бежево-золотистых тонах, казалось, тонула в лучах солнца, несмотря на сумерки за окном.

– Нравится? – озабоченно спросила Вероник. – Я советовалась с Александром, он сказал, ты любишь эту цветовую гамму. Есть еще другие комнаты – алая, синяя, черная, – с готовностью предложила она. – Только скажи, и я распоряжусь, чтобы Бернар их подготовил.

– Нет-нет, мне здесь все нравится! – заверила я.

– Правда? – Вероник улыбнулась. – Мне тоже по душе эта комната. Она напоминает мне о моей солнечной родине, Мексике.

– Мечтаю там побывать, – призналась я, вспомнив передачу «Вокруг света» с песчаными пляжами Акапулько и древними руинами цивилизации ацтеков.

– Я тоже, – с грустью отозвалась Вероник. – Вот только ужасно не выношу местного солнца. Ну что ж, – нарочито-бодро воскликнула она, – располагайся. Отдыхай, – она кивнула в сторону смежной комнаты, – ванна там. Потом спускайся на ужин.

– Вероник, – остановила ее я, – я валюсь с ног и хотела бы сразу лечь спать.

– Уверена? – Судя по расстроенному лицу мексиканки, она собиралась проболтать со мной всю ночь.

– Да.

С церемонным стуком по дверному косяку в незапертую комнату вошел дворецкий и торжественно водрузил мой модный чемодан от Burberry, тут же завладевший вниманием Вероник, на пол у шкафа. Выслушав мои благодарности и распоряжения хозяйки на стол не накрывать, невозмутимо кивнул и удалился.

– Что ж, тогда отсыпайся, а я от тебя сбегу, – решила Вероник. – Ночь только начинается. Ты не обидишься?

– Ну что ты! Конечно, иди. На меня не смотри.

Повеселев, она чмокнула меня на прощание.

– Тогда спокойной ночи!

– А тебе – интересной ночи, – отозвалась я.

– Отдыхай.

– А ты веселись!

– А ты набирайся сил, чтобы мы потом повеселились вместе!

Поняв, что обмен любезностями рискует затянуться, я прикусила язык и деликатно выпроводила словоохотливую мексиканку за дверь. После чего заперла дверь, подошла к окну и отдернула тяжелые портьеры, за которыми оказались глухо задраенные жалюзи. Однако! Двойная степень защиты. Дорогой гость может спать спокойно. Повозившись с жалюзи, я наконец смогла выглянуть в окно.

Я ожидала увидеть палисадник, или кирпичную кладку низеньких домов, или мельницу Мулен-Руж, и, конечно же, мерцающий силуэт знаменитой башни, которую, по моим наивным представлениям, можно было увидеть из любого парижского окна.

Но вместо этого уперлась взглядом в современный шестиэтажный дом через дорогу, на крыше которого мелькала надпись Coca-Cola.

– Здравствуй, Париж! – вздохнула я и закрыла жалюзи.

Проснувшись, я сначала не поняла, где нахожусь. Почему комната непривычно пахнет апельсином? Почему так холодно и скользко? Ах, да это шелковая постель! Откуда подо мной такая широченная кровать? И кто на ней со мной? Спросонья я была уверена, что на такой кровати и шелковых простынях не спят в одиночестве, и долго шарила рукой по подушкам и одеялу, пытаюсь нащупать того, кто грел мне постель этой ночью. Наконец, я докатилась до края кровати, увидела лампу, стоящую на тумбочке, и включила свет. Рассеянное золотистое мерцание развеяло миражи и прояснило разум. Я в Париже! В доме старейшины Вероник. Я приехала за наследством Жана, а в аэропорту меня встретил байкер,

который семь лет назад прокатил меня на Воробьевых горах и стал героем моих ночных грез на ближайшие полгода. Вот только он меня не узнал. И еще он теперь вампир, глава местных Гончих. Что ж меня все время тянет на плохих парней? Ведь предупреждал меня Глеб с ними не связываться.

Сердце сжалось в комок. Глеб... Я была влюблена, но не успела его полюбить. Наверное, поэтому его гибель я пережила легче, чем Лана, у которой был роман с Глебом несколько лет назад и которая продолжала его любить все эти годы. Смерть Глеба стала для меня ударом и на время выбила из колеи. Но не потому, что из жизни ушел необходимый, как воздух, человек, а потому, что я чувствовала себя виноватой в его смерти. Конечно, не я внесла его имя в список жертв и не я вколола ампулу с ядом в его вену. Но именно я в ту ночь со скандалом выставила его за дверь, ускорив исполнение приговора. Это я предоставила убийце возможность нанести удар... Свою вину я искупила – вычислила преступника, которым оказалась помутившаяся рассудком старейшина Инесса. И потом, на смену опустошенности и душевным терзаниям, пришел покой, а теперь – и желание новой любви. С момента похорон Глеба прошло чуть больше месяца, а мне уже холодно одной в постели, мне снятся волнующие сны, в которых меня вновь мчит сероглазый байкер, а вчера сердце предательски ёкало, когда я ловила его взгляд. Глебу это бы не понравилось. Но он сам был известным ветреником! Бросил Светлану, любившую его больше жизни, ради очередной интрижки. И меня бы со временем бросил. Может быть, уже через пару свиданий, если бы не задание старейшин следить за мной. Контролировать, чтобы кровь Жана не помутила мой рассудок и не превратила меня в убийцу. Быть рядом, чтобы успеть остановить меня, а потом без сомнений сдать Гончим. Признаться, он и роман со мной закрутил только по этой причине. Я узнала об этом, устроила грандиозный скандал и выгнала Глеба за дверь. Он ушел, а Инесса подкараулила его в ту ночь и убила...

Умывшись в ванной, я оделась и отправилась на поиски живой души. Интересно, кроме Вероник и Бернара в доме кто-нибудь живет? Должны же быть горничные, повар, водитель... Личный тренер, наконец, добавила я, заглядывая в следующую по пути комнату, оказавшуюся набитым тренажерами спортивным залом.

Второй этаж был пуст и безлюден, и я спустилась вниз. Из зала с колоннами и помпезными вазами, который язык не поворачивался назвать прихожей, вело два выхода. Я свернула налево и попала сперва в небольшую комнату, оформленную в темно-синем цвете. Из мебели здесь были только мягкие

диванчики да низкие столики из тонированного стекла. Между диванчиками стояли живые пальмы в кадках. Комната была проходной и, судя по всему, служила либо приемной, либо малой гостиной.

Я пересекла комнату и остановилась перед высокими, почти до потолка с лепниной, богато украшенными дверьми. Прислушалась – с той стороны не доносилось ни звука. Толкнула одну из дверей, и она на удивление легко открылась, впустив меня в просторный и почти пустой красный зал с высокими сводчатыми потолками.

На алых стенах белели светлые рамки с пейзажами различных стран: морской пейзаж с пальмами, снежные горы – то ли Кавказ, то ли Альпы, мексиканская прерия, русский лес, оранжевая пустыня, живописный каньон, рисовые поля, величественный водопад, еще море, но уже северное, суровое.

На стене напротив входа висела огромная карта мира: от привычных мне карт она отличалась тем, что материки покрывало странное бело-розово-красное лоскутное покрывало. Приглядевшись, я поняла, что самые яркие красные участки приходятся на мировые столицы, а неокрашенными остаются самые солнечные места планеты – южные курорты, Азия, Африка. Да это же вампирская карта мира, осенило меня. И на ней показана плотность вампиров по всему миру. Москва, Лондон, Париж, Вена, Пекин очерчены красным – здесь вероятность встретить вампира выше всего. Солнечные Рим, Барселона менее комфортны для вампиров – они раскрашены в розовый цвет, так же, как пригороды крупных мегаполисов. Изнемогающие от палящего зноя Эмираты, Турция, Египет, вся Африка и большинство Азии могут спать спокойно – вампирам здесь не климат, о чем свидетельствует отсутствие розовых красок.

Мне сделалось не по себе от кроваво-красных стен, хотя, вынуждена признать, зал выглядел торжественно и нарядно и не уступал парадным залам дворцов. Судя по размерам помещения, отсутствию мебели, кроме тех же диванчиков, и небольшому подиуму в углу, раньше здесь проводились балы, а сейчас с равным успехом могли устраиваться танцы, концерты и праздничные торжества. Картины с изображением разных ландшафтов и карта мира подчеркивали многонациональность вампирской тусовки.

То ли внешний вид зала на меня так подействовал, то ли это природа давала о себе знать, но я ощутила страшный голод. Надо было срочно найти Вероник. Вчера я забыла у нее спросить про бутылочки с донорской кровью. Дома у меня

хранился целый запас, но в полет сыворотку брать нельзя, иначе проблем со службой досмотра не оберешься. Аристарх уверял, что Вероник обеспечит меня донорской кровью на время пребывания в Париже. Что ж, надеюсь, это так и она не станет подшучивать надо мной и подбивать полакомиться кровью юных сладких парижан.

Я вернулась назад, к парадному входу, и направилась в другую сторону. Сначала я попала в такую же небольшую комнату отдыха с диванчиками, только она была зеленой, а потом очутилась в большом проходном зале с четырьмя дверьми. И, о чудо, до меня донеслись голоса! Пройдя две двери, я остановилась у третьей, из-за которой журчала французская речь, и уже положила руку на дверную ручку в форме головы льва, собираясь войти, как до меня донесся отчетливый голос дворецкого.

– Мадам, вы поступаете необдуманно. Вы знаете, как к мадемуазель Жанне относятся в обществе.

Я замерла и приникла к двери.

– Вздор! – пылко перебила Вероник. – Она замечательная девушка.

– Она – кровная наследница Жана Лакруа, – напомнил Бернар. – И мне ли вам говорить, что с этим наследством все не так просто...

– Она – родная внучка Александра Перье, – парировала Вероник. – И она не может быть такой, как о ней говорят. Все эти домыслы – чепуха!

– Мадам подвергает себя и свою репутацию старейшины большой опасности, покровительствуя этой мадемуазель, – гнул свою линию дворецкий. – Это весьма опрометчиво, особенно сейчас, когда ваше положение и без того довольно шатко. Такое чувство, мадам, – с горечью добавил он, – что вы совсем не дорожите своим местом в совете старейшин.

– Бернар, – вспылила Вероник, – если ты не прекратишь, я подыщу себе нового дворецкого.

Воцарилась тишина, был слышен только стук приборов, которые, видимо, раскладывал на столе старый слуга. Я уже собралась войти внутрь, как прозвучал звенящий от обиды голос дворецкого:

– Вот увидите, мадам, вы еще пожалеете, что предоставили ей свой кров. И тогда поймете, что месье Сартр был прав.

Интересно, это еще кто такой? Сартр, Сартр... Что-то знакомое. Не то певец, не то актер, не то манекенщик.

Сердитые шаги застучали по направлению к выходу, я вспыхнула и метнулась к соседней двери, чтобы не быть застигнутой врасплох. На счастье, дверь поддалась, и я влетела в зал, оказавшийся картинной галереей. Общий свет был приглушенным, но за счет индивидуальной подсветки, картины на стенах были ярко освещены и выглядели, словно окна.

Я с любопытством шагнула к ближайшей картине, показавшейся знакомой. Постерами с рекламой телевизора, на экране которого застыли прильнувшие друг к другу нарисованные мужчина и женщина, была обклеена вся Москва. Только на рекламных плакатах фон рисунка был солнечно-золотым, и мужчина и женщина выглядели нежными возлюбленными, слившимися в поцелуе. Картина, перед которой я стояла, при всем внешнем сходстве и технике рисунка была совсем иной. Фон был непроницаемо-черным, две фигуры выступали из мрака, словно выхваченные уличным фонарем. И это уже были не возлюбленные, прильнувшие друг к другу в порыве нежности. Художник, искусно копируя манеру знаменитого предшественника, изобразил вампира и его жертву. Мужчина хищно навис над беззащитной шеей женщины, безвольно склонившей голову. И если от картины с рекламных плакатов исходили свет и любовь, от этой сквозило тоской и безысходностью. Не было никаких сомнений в том, что в следующее мгновение вампир погрузит зубы в женскую шею и не пощадит свою жертву...

Мне стало не по себе, и я отпрянула к следующему полотну. В бархатно-синем ночном небе между искорками звезд над спящим деревянным городом парили мужчина и женщина. Женщина словно лежала в небе, а мужчина бережно удерживал ее в руках. И все бы ничего, если бы за спиной каждого из возлюбленных не были распростерты крылья летучей мыши. Вампиры, хозяева ночи, парящие в ночном небе невидимыми обитателями деревянных домишек. Ночные хищники в поисках жертвы...

Попятившись назад, я уткнулась в стену и, повернувшись, вздрогнула от лукавого взгляда Моны Лизы, смотревшей прямо на меня. На первый взгляд, картина была точной копией, но, приглядевшись, я заметила, что в уголке приподнятых в загадочной улыбке губ виден краешек клыка. Да что же это за галерея такая?

– Жанна, – окликнул меня голос незаметно вошедшей Вероник, – это ты! Я услышала шум и уж решила, что в дом прокрались воры!

– Привет, Вероник! Прости, что напугала. Я искала тебя или Бернара и заблудилась, – сочинила я. – Вот, попала сюда и увлеклась. Извини, если зашла, куда не следовало.

– Ну что ты! – успокоила меня хозяйка. – Эта галерея – гордость французской общины, ее всем гостям в обязательном порядке показывают. А ты всего лишь пару шагов не дошла до столовой, где Бернар меня пытался накормить овсянкой по классическому английскому рецепту.

– Он же француз! – удивилась я.

– Да, – Вероник скорчила гримасу, – но на днях у меня гостил один английский писатель родом из девятнадцатого века. И Бернар у него выпытал этот рецепт. Какая же это отменная гадость! Я так мечтала, чтобы ты появилась и меня спасла! – Она молитвенно сложила руки.

– Извини, что опоздала, – засмеялась я.

– Ну и как тебе наш филиал Лувра? – Вероник повела рукой в воздухе.

– Впечатляет, – призналась я. – У вас очень талантливые имитаторы. Переписать известные полотна так, словно их исправил сам мастер – редкий дар.

– Имитаторы? – с обидой в голосе возразила Вероник. – Жанна, все картины – подлинники. Это Климт, – она указала на вариацию картины с влюбленными. – Это, – кивок в сторону полотна с крылатыми вампирами, – Шагал. Там, – взмах руки в глубь галереи, – Пикассо, Боттичелли, Моне, Сезанн, Рубенс, Рерих, Врубель.

– Не может быть! – ахнула я. – Они все были вампирами?

– Мало, кто, – качнула головой Вероник. – Но в разное время они столкнулись с кем-то из нас и, под впечатлением от этого, они написали эти картины. Какие-то из них потом послужили основой для картин, которые сейчас знает весь мир. Переписав их в светлых тонах, одни, как Климт и Шагал, стремились избавиться от тягостных воспоминаний от встречи с нашими соплеменниками. Но большинство картин так и осталось неизвестными – мы забрали их раньше, чем их увидела публика. Все они там, в глубине. У входа висят самые знаменитые.

– Забрали? – уточнила я с недоверием.

– Какие-то выкупили, какие-то похитили, какие-то отобрали силой, – пояснила Вероник. – Ты же понимаешь, лучше нам себя не афишировать перед широкой публикой.

– Но ведь художники знали, – возразила я.

– Да кто бы поверил их словам? А вот их картины были весьма убедительны, как и все гениальное, поэтому их надо было изъять. Ну что, составишь мне компанию за столом?

Я с радостью покинула полумрак галереи, вошла вслед за Вероник в ярко освещенную, оформленную в терракотовых тонах столовую, и на миг зажмурилась от бьющего в глаза света.

– Слишком ярко? – виновато спросила вампирша. – Бернар все время отчитывает меня, что я вставила слишком мощные лампы. Но я так люблю солнечный свет, а по понятным причинам бывать на солнце не могу, поэтому здесь постаралась...

– Все в порядке, Вероник. Я тоже люблю солнце.

Хозяйка мне благодарно улыбнулась, а Бернар сердито гроыхнул подносом, ставя передо мной тарелку овсянки.

– Кажется, я ему не по душе, – заметила я, когда он удалился.

– Ну что ты! – поспешила разуверить меня Вероник. – Бернар сам по себе бука, зато за домом следит – не придерешься. Знала бы ты, сколько парижских вампиров пытались переманить его к себе, но он верен этому дому, и это заслуживает уважения.

Я с сомнением подцепила ложку пышной овсянки, щедро сдобренной сливочным маслом. Надеюсь, милому Бернару не придет в голову отравить нежелательную гостью, чтобы спасти репутацию беззаботной хозяйки? Да и страшно интересно, что же за слухи бродят обо мне среди парижских вампиров, отчего Вероник может пострадать? Однако от самой Вероник я ответа не добьюсь – это к бабке не ходи. Она ни за что не захочет меня огорчать и примется уверять, что все парижские вампиры только и мечтают со мной познакомиться и уже заочно меня обожают.

– Все просто мечтают с тобой познакомиться! У меня телефон ни на минуту не умолкает, – в подтверждение моих слов прошептала она. – Так что сегодня мы устраиваем вечеринку в твою честь!

Только не это! Я вспомнила свою дебютную вечеринку в Москве: все вампиры настороженно таращились на меня, пытаюсь понять, что за темную лошадку к ним занесло. А бонусом к застолью шла развлекательная программа с участием прославленных вампиров-фокусников, гимнастов, певцов и музыкантов. Пир завершился настоящей чумой: гимнастку-китайку убили в женском туалете, а мне «посчастливилось» обнаружить труп.

– А как же месье нотариус? – спросила я. – Он говорил, что сегодня мы должны встретиться по делам.

– О! Он только что звонил и сказал, что возникли какие-то трудности. Он еще позвонит позже. Вы увидите с ним завтра, а сегодня – вечеринка!

Глядя в сияющие глаза Вероник, было понятно, что отсидеться в гостевой комнате мне не удастся. Что ж, посмотрим, какие они, парижские вампиры. И попробуем выяснить, с чего вдруг они меня так невзлюбили. Может, я перешла кому-то дорогу в завещании богатого наследства? Но Вероник на мой вопрос уверенно ответила, что живых кровных преемников у Жана, кроме меня нет.

– А мертвых? – Я чуть кашей не поперхнулась.

– Дело давнее, – беззаботно ответила вампирша. – До Пражского договора Жан инициировал вампиров, но все из них быстро сходили с ума и погибали. Ой, прости, Жанна! – виновато воскликнула она, глядя на меня.

– Ничего, – я сглотнула овсянку, ставшую в горле комом. – Я уже привыкла.

Вспомнилось, как гончая из команды Вацлава Лаки хотела убить меня только потому, что Жан поделился со мной своей кровью и сделал меня вампиром. Лаки тогда упомянула свою родственницу, жившую сотней лет раньше. Ее тоже сделал вампиром Жан, и спокойная, девушка, известная своим милосердием и добротой, под влиянием крови Жана превратилась в сумасшедшую убийцу и была растерзана толпой людей, мстивших за своих близких.

Я машинально дотронулась до пирсинга на животе. Раньше я носила там Серебряную Слезу Привлекательности, не подозревая об этом. Мой бывший парень Фёдор, увлеченный кладоискатель, подарил мне ее, когда она еще была старинным кольцом. Негламурный подарок я переплавил в хорошенький цветок-пятилистник для пирсинга, с которым не расставалась. И именно Слеза, которую так искал Жан, стала причиной моей встречи с вампиром. Тогда борьба, завязавшаяся между нами, привела к моему случайному заражению вирусом вампиризма. А так как Жану, из-за его жестокости, было официально запрещено инициировать новых членов Клуба, тот растерялся, сбежал в Париж и на время забыл о Слезе. Из-за крови Жана и попадания в Клуб в обход правил (традиционно решение о принятии в вампиры принимается всеобщим голосованием) на меня косо смотрели все московские вампиры. А теперь и парижские тоже будут. А Слезу Привлекательности Жан у меня все-таки отобрал и воссоздал легендарную Чашу, которая давала власть над всеми вампирами. Я убила Жана, разрушила Чашу, а Аристарх вытащил из магического огня серебряную подвеску – Слезу Милосердия. Оставшись без любимого пирсинга, я переплавил Слезу в новое украшение, на этот раз выбрав символическую форму замочка с ключом – в знак того, что Слеза оберегает меня от влияния Жана, «запирает» его темную сущность, которая передалась мне с кровью. Со Слезой я не расставалась даже в ванной. Однако вампиры, не подозревая о том, что у меня есть оберег от влияния Жана, по-прежнему считают меня потенциальной маньячкой, которая может сорваться в любой момент и устроить техасскую резню бензопилой или кошмар на улице Вязов. Возможно, именно об этом предупреждал дворецкий Вероник и именно такого поворота событий опасаются парижские вампиры.

Задумавшись, я и не заметила, как съела всю овсянку. Бернар забрал у меня пустую тарелку и что-то сердито пробурчал в ответ на мое «мерси». Похоже, расположить к себе старого брюзгу комплиментом его кулинарному таланту не удастся. Что ж, не велика беда. Я здесь всего на несколько дней, и уж как-нибудь вытерплю недовольную физиономию дворецкого.

Вероник подошла к старинному буфету и открыла его ключом.

– Мужская, женская? – обернулась она ко мне.

– Что? – не поняла я.

– Кровь, – буднично пояснила хозяйка. – Предпочитаешь женскую или мужскую?

– Все равно, – смущенно пробормотала я. Три месяца в роли вампира, а я никак не привыкну спокойно относиться к насущной проблеме утоления голода.

Словно не заметив моей неловкости, Вероник спокойно уточнила:

– Группа крови?

– Без разницы.

Тут вампирша в удивлении глянула на меня:

– Без разницы?! Но у них совершенно разный вкус. Первую и вторую невозможно пить в чистом виде: первая чересчур пресная, вторая горчит. От третьей болит голова. Я предпочитаю четвертую – она самая мягкая и сладкая. Она самая редкая из всех, но в этом и плюс положения старейшины. – Вероник мило улыбнулась, словно речь шла о сортах вина. – Что считается деликатесом для обычных вампиров, то всегда в свободном доступе для старейшин. – Она вынула из шкафчика красивую рифленую бутылку из темного стекла и встряхнула ее. – Свеженькая, только вчера привезли. Позволь мне тебя угостить – и ты сама поймешь, что я имею в виду.

Вероник наполнила рубиново-красным содержимым один из хрустальных бокалов на столе.

– Держи.

Она плеснула крови во второй бокал и подняла его.

– За тебя. Надеюсь, тебе понравится в Париже.

– Спасибо за гостеприимство.

Наши бокалы скрестились со звоном, и Вероник сделала маленький глоточек, смакуя содержимое.

Смотреть на это было неприятно, я отвела глаза и залпом опрокинула в себя бокал. Кровь горячей хмельной волной хлынула в желудок, и я закашлялась.

Вероник наклонилась ко мне, постучала по спине, протянула салфетку.

– Никак не привыкнешь?

Я промокнула губы, оставив на салфетке кровавый след, и кивнула.

– Это не микстура, Жанна, чтобы глотать ее с такой брезгливостью, – мягко, словно неразумному ребенку, заметила она. – Это наш витамин жизни. Пойми это и перестань терзаться. – Вероник спокойно сделала последний глоток и отставила в сторону пустой бокал. – А теперь пойдем, подберем тебе наряд для вечеринки.

Глава четвертая

Если бы Золушка была вампиром...

Если перед своей дебютной вампирской вечеринкой в Москве я колебалась в выборе наряда, то на этот раз сомнений не возникло. Какими бы ни были парижские вампиры, я предстану перед ними настоящей королевой. Шелковое

алое платье от Диор мы выбирали еще с Глебом, в тот день большого шопинга, когда слонялись по крупному торговому центру в надежде спровоцировать убийцу на нападение и поймать с поличным. Убийцу не поймали, зато шопинг удался на славу. Платье цвета крови Глеб оценил как самую удачную покупку того дня, а я пообещала ему, что надену его на следующую вампирскую вечеринку, которую он будет вести. Через несколько дней Глеба не стало, и платье провисело в заключении в шкафу почти месяц – я на него без слез взглянуть не могла. Сейчас самое время проститься с прошлым и открыть новую страницу жизни блистательным выходом в парижский свет. Надеюсь, там будет Андрей... Или какой-нибудь другой неотразимый вампир. Потому что к такому платью обязаны прилагаться восхищенные мужские взгляды.

Когда я показала платье, Вероник ахнула:

– Ты собираешься надеть его?

– А что? – Я нахмурилась, услышав в ее голосе сомнение. – С ним что-то не так?

– Да нет. – В глазах Вероник промелькнуло странное выражение. – Все так. А ну-ка надень!

Она помогла мне справиться с застежкой и восторженно воскликнула:

– Фантастика! Ты убьешь всех наповал!

– Лучше пусть живут, – пробормотала я, расправляя алый шелк на бедрах и глядя на свое отражение.

Из зеркала на меня смотрела традиционная киношная вампирша: карие до черноты глаза на белой, как фарфор, коже, легкий румянец на щеках – результат недавнего перекуса, темные волосы мягкими волнами до пояса, красное вечернее платье. Не хватает только броской помады и яркого маникюра в тон наряду.

– А знаешь, – польстила Вероник, – если бы тебя не обратил Жан, это должен был сделать бы кто-нибудь другой. Ты просто создана для нашего Клуба!

– Вряд ли, – усмехнулась я. – У меня нет обязательного условия для членства: какого-нибудь особого дара.

– Не верю! – пылко возразила вампирша. – Что-нибудь, да обязательно найдется! Может быть, ты видишь сквозь стены?

– Если только это стены модного бутика, куда завезли новую коллекцию, – ответила я, озабоченно снимая с платья пылинку.

– Что, правда?! – вытаращилась на меня вампирша.

– Конечно, – со смешком подтвердила я. – К тому моменту я успеваю выучить официальный сайт с новой коллекцией наизусть.

– Могла бы и догадаться, – хихикнула она и предложила новую версию: – Тогда, может, ты знаешь пять иностранных языков?

– А только за это принимают в вампиры? – удивилась я. – Нет, только два. Но французский почти в совершенстве – благодаря бабуле.

– Не почти, а совершенно! У тебя произношение как у урожденной парижанки, – вновь польстила мне Вероник. – А может, ты умеешь убеждать кого угодно в чем угодно?

– Вообще-то я могу, – задумчиво припомнила я. – Однажды я пару недель копила на потрясающее платье от Александры МакКвин, а когда пришла его купить, обнаружила, что платье моего размера осталось в одном экземпляре и его примеряет несносная блондинка с ногами от ушей. Вероник, видела бы ты, как оно на ней сидело! Она была просто фея. Но я исхитрилась убедить ее, что платье делает ее бледной и простит, и навязала ей какое-то уродскую черную робу. Продавцы-консультанты просто диву давались. Но перечить не стали – уродское платье стоило в два раза больше «фейского». А я заполучила платье своей мечты.

– Я в восхищении, – развеселилась Вероник. – Но вряд ли эту историю оценят старейшины с точки зрения твоей незаменимости Клубу. А может, – с надеждой предположила она, – твой IQ близок к двумстам баллам?

– Ты сама-то в это веришь?

Мы переглянулись и расхохотались.

– Ты права, – признала Вероник. – Ты куда симпатичнее всех этих занудных нобелевских лауреатов и докторов наук, которые при всей своей мудрости ни капли не разбираются в элементарных вопросах... Например, в выборе роскошных вечерних платьев! – Она бросила многозначительный взгляд на мой наряд.

А я помрачнела, вспомнив, что тогда не я первая обратила внимание на платье, а Глеб выудил его из дюжины вешалок.

– Что-то не так? – насторожилась Вероник.

– Нет-нет, все в порядке. Кроме того, что в Клуб я попала с черного входа, поправ все правила, и никаких оправданий, кроме собственной глупости, мне в том нет.

Вероник принялась горячо меня разубеждать и предложила последнюю версию:

– Может, ты как богиня катаешься на горных лыжах?

– Не представляю, чем ценно это умение, но, увы, и тут мимо. Я ни разу в жизни не стояла на лыжах.

– О, тогда ты просто обязана составить мне компанию в Куршевель! – ажиотированно вскричала она.

– Это там, где тусуются олигархи? – поморщилась я.

– Это там, где тусуется половина из нас, – поправила Вероник. – А другая половина обеспечивает нас вкусной, свежей и здоровой кровью. Ты и представить себе не можешь, как отличается кровь горожанина в пыльном мегаполисе от крови лыжника, который провел на горном воздухе несколько часов, – мечтательно добавила она.

– Боюсь, мне там негде будет блистать в моем красном платье, – поспешила перевести тему я.

– О, – вскричала Вероник, – тебе фантастически пойдет лыжный костюм!

– Да у меня его и нет.

– Разве это проблема для единственной наследницы Жана? Ты можешь себе купить миллион лыжных костюмов. И алмазный лифчик под костюм, – добавила она и задорно расхохоталась.

– Неужели Жан и впрямь так сказочно богат? – в очередной раз поразились я. Да и как не поражаться, если пока я о роскошном наследстве только слышу, но масштабов его еще представить не могу.

– Это ты, Жанна, теперь сказочно богата, – поправила Вероник. – Тебе просто необыкновенно, фантастически повезло!

– Да уж.

Я вспомнила остекленевшие глаза Жана, когда я вдавила ему в сердце серебряный кулон, и вздрогнула. Хорошо, что никто на свете, кроме московских Гончих и моего деда не знает, как все было на самом деле. А то у вампиров хватило бы ума додуматься до того, что я коварно убила Жана, чтобы завладеть его богатством.

К счастью, Вероник была слишком взбудоражена предстоящей вечеринкой и не заметила моего состояния. Она схватила меня за руку и потащила из гостевой комнаты.

– Идем! Теперь ты pomoжешь мне выбрать платье. Конечно, затмить тебя уже не получится, – она лукаво улыбнулась, – но я постараюсь. Не может же старейшина выглядеть замарашкой в сравнении со своей гостьей.

Под гардероб Вероник была отведена огромная комната, размером с мою московскую квартиру. Вдоль одной стены тянулись витрины с обувью и сумками. Другую стену занимали вешалки с платьями всех оттенков радуги.

– Вот это да! – ахнула я, глядя на вешалки, уходящие в глубь комнаты, вплоть до зеркальной стены от пола до потолка.

Вероник с лукавством улыбнулась:

– Посмотрим, что ты скажешь на это! – Она скользнула рукой по стене с выключателями.

Основная подсветка стала медленно гаснуть, и на вешалки с платьями будто ложилась мягкая вуаль темноты. Зато пол вспыхнул квадратами света, словно дикий аквариум. И в каждом из стеклянных сверху и бархатных изнутри бордовых отсеков показались самые прекрасные туфли на свете. Отсеки располагались в шахматном порядке, и на одном из них я как раз стояла. Разглядев под носком своей туфельки изумительные желтые босоножки, я невольно шагнула назад, чувствуя неловкость – как будто по неосторожности наступила на редчайший цветок.

По мере того, как основной свет гас, подсветка пола зажигалась все ярче. Наконец, на потолке остались гореть только тусклые звездочки светильников, зато пол под ногами горел ярче полуденного солнца. И, казалось, сияние исходит от самих туфель, запертых в стеклянные ячейки и всем своим блестящим и модным видом взывавших о выходе в свет.

– Нравится?

Я обернулась на голос Вероник и молча кивнула. Я была слишком взволнована увиденным, чтобы дать более развернутый ответ. Жаль, что я не смогу перемерить все это великолепие: одежда Вероник на пару размеров больше моего, а обувь и на все три-четыре.

Вампирша довольно улыбнулась.

– Теперь ты понимаешь, что выбор будет нелегким?

– Всю жизнь мечтала о такой гардеробной. Но мне и в голову не приходило, что для этого надо стать старейшиной вампиров.

– Почему же. Есть и другой способ, – Вероник мне подмигнула. – Стать наследницей Жана Лакруа.

– Ты хочешь сказать, что... – У меня перехватило дыхание. Одно дело – слышать о каких-то мифических миллионах. И совсем другое – видеть реальное им применение.

– Стоит тебе только пожелать, и твоя гардеробная будет в десять раз больше, – подтвердила Вероник.

Я с ликованием огляделась. Что ж, кажется, Жан оставил мне неплохую компенсацию за то, что его кровь сделала меня вампиром.

Замечтавшись, я не обратила внимания, что наступила на край одного из светящихся квадратов. А когда опустила глаза, колени подогнулись, и я рухнула на пол, прильнув к стеклу, скрывавшему самое удивительное творение на свете. Туфельки насыщенного рубинового цвета ... Лучшей пары к моему сегодняшнему платью и не сыскать. Жаль, что размер ноги Вероник больше моего. Хотя эти туфельки выглядят совсем миниатюрными.

– Это лак? – с придыханием спросила я, глядя на светящиеся носы туфель.

– Это атлас, – поправила Вероник, и в ее голосе скользнула гордость. – Такие туфли не на каждый день, а только для самого важного бала.

Она вдруг наклонилась, нажала на потайную кнопку, открыв отсек и взяла в руки туфельки.

– Примерь их.

– Да ты что! – не сводя с них глаз, воскликнула я. – Такие туфли нельзя носить, ими можно только любоваться.

– Вот я и люблюсь, – в ее голосе скользнуло сожаление, и она пояснила: – Один поклонник подарил, но они мне беспощадно малы.

– Не угадал с размером? – с сочувствием кивнула я.

– Наоборот, – Вероник усмехнулась. – Выбрал тот самый, который я ему назвала.

Я непонимающе подняла глаза, с трудом оторвавшись от созерцания роскошных туфель.

– Я же не знала, для чего он спрашивает, – призналась она. – И назвала ему размер, гораздо меньше своего. Побоялась, что его чувства остынут, когда он узнает, что его прекрасная дама носит сороковой. А потом он принес мне их, и...

Мы обе рассмеялись. А Вероник, отсмеявшись, укорила:

– Тебе смешно, а я тогда чуть не удавилась. Не столько со стыда, сколько от горя.

– Скажи лучше, как ты выпуталась. Он заставил тебя их примерить?

– Еще бы! Он так переживал – подойдут они или нет. В общем, – она сконфуженно потупила глаза, – пришлось соврать, что к вечеру у меня отекли ноги. А он еще терзал мне душу и настойчиво повторял, что можно договориться об обмене на размер больше. Но я же не могла признаться, – давась от смеха, добавила Вероник, – что мне нужны туфли не на размер, а на пять больше!

– Значит это, – я затаила дыхание, – тридцать пятый?

– Как раз твой, если не ошибаюсь? Давай, примерь.

Вероник наклонилась и поставила туфельки у моих ног.

Я не смогла устоять перед соблазном и нырнула в них. Колодка обняла ступни с нежностью любовника, рубиновый атлас прильнул к ноге, как вторая кожа.

– Ну как? – Вероник выжидающе подняла глаза.

– По-моему, в самый раз, – не веря своему счастью, сказала я.

– Пройдись!

– Мой размер, – уверенно признала я, сделав несколько шагов.

– Значит, туфли на сегодняшний вечер мы тебе подобрали, – с некоторой ревностью в голосе сказала Вероник и пнула в сторону лодочки, в которых я пришла.

Я, колеблясь, глянула на нее.

– И возражения не принимаются, – возразила она на мой взгляд и шутливо пригрозила. – Иначе – укушу!

– А что стало, – я не сдержалась от любопытства, – с тем твоим поклонником?

– Я его съела, – хищно сверкнула глазами Вероник и добавила, оправдываясь. – Сама подумай, как я могла его видеть после того, как он таким жестоким образом разбил мои мечты и опозорил меня?

Я поежилась. Надеюсь, это не его свежей кровью четвертой группы меня сегодня угощала Вероник?

– Ну, Жанна, – укорила меня она. – Ты наивная, как ребенок. Я же пошутила. Ничего с ним не стало. Живет, развлекается, делает подарки другим девушкам. Я, как понимаешь, после подобного конфуза встречаться с ним не могла. А теперь помоги мне выбрать платье! Ты уже при полном параде, а я до сих пор не представляю, что надеть!

Переворотив десятки вешалок и перебрав бесчисленное множество туфель, мы, наконец, выбрали наряд для придирчивой Вероник. Платье нескольких оттенков морской волны, благодаря сложному крою, походило на оперение райской птицы. И глядя, как Вероник шагает по стеклянному полу к зеркалу от пола до потолка, можно было подумать, что она летит. В глазах Вероник бушевал вольный океан, а за плечами раскрылись невидимые крылья.

– Ну как? – обернулась она.

– По-моему, вы просто созданы друг для друга, – заметила я. – Ты, это платье и вон те чудные изумрудные босоножки в ячейке справа.

– Ты права, – признала она, примерив их и покрутившись в них перед зеркалом. Тонкие ремешки были почти незаметны на ногах, и издалека можно было подумать, что Вероник и вовсе босиком. – Они идеально сюда подходят.

– Не хватает только последнего штриха. – Я подошла к ней и вытащила шпильки, выпустив на свободу волну густых темных волос.

– Надо бы расчесать. – Вероник провела рукой, приглаживая непокорные локоны.

– Нет-нет! – остановила ее я. – Только так. Сейчас кажется, что в твоих волосах заблудился морской ветер.

Вероник ослепила меня белозубой улыбкой и порывисто прижала к себе.

– А теперь пошли со мной. – Она заговорщически подмигнула. – Твоему платью не хватает завершающего штриха.

Я с неохотой покинула царство туфель и платьев, утешая себя мыслью, что совсем скоро у меня будет такая же комната чудес.

Штрихом оказалась прямоугольная зеленая коробочка, которую с сияющим видом протянула мне вампирша.

– Не подходит по цвету к моему платью, – пошутила я, пытаюсь ее открыть.

Коробка поддавалась не сразу, а когда крышка отскочила, я в восхищении ахнула.

– Вероник, но это же...

– Черные бриллианты! – Вероник потрянула головой, отчего ее платье заколыхалось, и она сделалась похожей на синюю птицу, исполняющую желания. – Редкие и уникальные. Такие же, как и ты.

– Но я не могу... – хрипло выдавила я, чуть не откусив себе язык, который все-таки посмел изречь крамольную мысль. «Хочу!!!» – стучало в голове. «Но ты не можешь, – восклицал голос разума. – Они стоят миллионы!»

– Я не дарю их тебе, – отрезала Вероник. – Я одалживаю их тебе на этот вечер.

Я, колеблясь, перевела взгляд с изумительного колье на раскрасневшуюся Вероник.

– И только вздумай отказаться, – пригрозила она, разрешив мои сомнения. – Тебе же не нужен смертельный враг среди парижских старейшин? Уж поверь мне, со мной лучше дружить.

– Вероник, ты чудо!!! – Я повисла на шее вампирши.

– Ну-ну, – отстранившись, она пригладила свое необыкновенное платье. – Это моя благодарность за то, что ты замечательный стилист. Знаешь, я ведь купила это платье давно. Но все никак не решалась его надеть. Казалось, что оно слишком легкомысленное для моего статуса. А сейчас осмелилась и... – Она подняла на меня глаза, в которых блестело солнце. – И чувствую себя девчонкой-тропиканкой, какой я была, – она запнулась, – раньше.

Появившийся в дверях дворецкий замер, как громом пораженный.

– Мадам, – вымолвил он минуту спустя, – надеюсь, вы не собираетесь надеть это на сегодняшнее торжество?

– А что не так, Бернар? – Вероник уперла руки в бока.

– Это просто верх легкомыслия, – процедил он с осуждением.

Вероник только громче рассмеялась, подскочила к дворецкому и звонко чмокнула его в щеку, объявив, что это лучший комплимент, который он мог ей сделать. Бернар отшатнулся, пробормотал, что приходил доложить о прибытии месье Виара и торопливо удалился, словно боялся заразиться от хозяйки вирусом легкомыслия. А в комнату вошел эффектный худощавый брюнет с чемоданчиком в руке.

– Вероник, – он так и пожирал вампиршу глазами, – ты просто обворожительна!

– Жанна, – польщенно улыбнулась та, – познакомься, это наш волшебник, Эжен.

– Неужель та самая Жанна? – Он только сейчас заметил меня и с любопытством обшарил взглядом черных, как оливки, глаз, комментируя: – Так-так, кожа бледновата, побольше румян и мерцающей пудры на скулы. Глазам не хватает контура. А какие ресницы! Свои? Настоящее богатство, такие сейчас и не встретишь. Ну и помада. Конечно, красная – такое платье само диктует макияж.

Я бросила недоуменный взгляд на Вероник, и та с улыбкой пояснила:

– Эжен – визажист. Он подготовит нас к сегодняшней вечеринке.

Вот это уровень! Личный визажист. Я ведь так и привыкнуть могу.

– Девушки, вы будете самыми ослепительными красотками на этом сборище! – клятвенно заверил Эжен и раздел Вероник взглядом профессионального ловеласа. Подумать только! Глядя на этого дамского угодника, нипочем не угадаешь, что он зарабатывает на жизнь макияжем. – Итак, с кого начнем?

– С меня, – нетерпеливо вскрикнула Вероник. – Ой, Жанна, извини, может, ты хотела...

– Все нормально, – улыбнулась я. – Я пока покрашу ногти.

– Только алый лак, – крикнул мне вслед Эжен. – Непременно матовый и в три слоя!

Эжен и правда оказался волшебником. Он рисовал мое лицо с вдохновением художника, создающего лучший шедевр в своей жизни. Когда он отложил в сторону кисть от пудры, это уже была не я, а другая Жанна – роковая, страстная, демоническая. Глаза, подведенные фиолетовыми тенями, казались космической бездной. Искусно нанесенные румяна выделили скулы и придали лицу что-то кошачье. А в центре пухлых, покрытой алой помадой губ, мерцала капелька блеска, и можно было принять ее за капельку крови, которая еще не высохла на губах.

– Черная кошка, – восхищенно прошептал Эжен, глядя на меня глазами Пигмалиона. – Хищная, опасная, прекрасная.

Вообще-то я ожидала несколько другого эффекта и хотела расположить к себе парижских вампиров, а не напугать их еще больше. Но, вынуждена признать, в этом образе я чувствую себя весьма комфортно. Что ж, если кто вздумает говорить про меня гадости, тот познакомится с моими коготками!

Макияж Вероник, напротив, был подчеркнута естественным. Лицо казалось загорелым, словно вампирша только что вернулась со Средиземного моря, а губы яркими и будто бы припухшими от поцелуев. Мерцающие бирюзовые тени делали цвет глаз еще более насыщенным, а взгляд – сияющим. Вероник выглядела так цветуще, так по-человечески, что никто бы не заподозрил в ней вампира. Похоже, именно этого она и хотела. Потому что, все время пока Эжен скрупулезно рисовал мое лицо, она не отлипала от зеркала и восклицала, какой он гений.

– Что ж, – получив последнюю порцию похвал, визажист захлопнул чемоданчик. – Считайте меня доброй феей, которая помогла вам собраться на бал. А теперь повеселитесь хорошенько, мои милые Золушки!

– А ты? – удивилась Вероник. – Разве ты не идешь на вечеринку?

Эжен улыбнулся и покачал головой.

– Сегодня день рождения у моей внучки. Мне и так с большим трудом удалось уговорить клоуна, которого моя дочь с зятем позвали на праздник, поменяться местами.

Когда он ушел, я в недоумении спросила:

– Его дочь не хочет с ним знаться, раз ему приходится идти на такую хитрость?

Вероник посмотрела на меня долгим пристальным взглядом и медленно проговорила:

– Ты еще очень молода, Жанна. И тебе еще многое предстоит понять. По-твоему, дед, который выглядит моложе родителей, может появиться на семейном празднике? Эжен уже лет пятнадцать, как официально умер для своих родных. И повидать внучку он теперь может, только переодевшись клоуном и раскрасив лицо до неузнаваемости.

– Значит, девочка даже не узнает его? – потрясенно спросила я.

– Искренне надеюсь, что нет. Иначе это будет катастрофа, – озабоченно сказала вампирша.

– А как, – удивилась я, – ему разрешают жить рядом с родными больше пятнадцати лет?

– Жить в одном городе с родными не запрещено, – пояснила Вероник. – Запрещено жить на одном месте больше десяти лет.

– Значит Эжен – не парижанин?

– И даже не француз. Он из Болгарии. Его дочь вышла замуж за французского и переехала сюда. А он переехал вслед за ними. Чтобы два раза в год, – с грустью добавила вампирша, – нарядившись клоуном или Санта-Клаусом подержать на руках свою внучку.

– Вероник, – тихо спросила я, – а у тебя есть внуки?

– У меня нет даже детей. – На лицо Вероник набежала тень, и она опустила глаза, поправляя золотые часики на запястье. – Ого! Время-то уже сколько! Что же мы сидим-то? Давно ехать пора.

Бернар словно того и ждал: беззвучно возник на пороге комнаты и церемонно объявил:

– Лимузин подан!

– Мы поедем на вечеринку на лимузине? – поразились я.

– Как и подобает настоящим принцессам, – задорно воскликнула Вероник.

Черные бриллианты, личный визажист, лимузин... Что дальше? Личный самолет, яхта, дворец?

– Шуба! – провозгласила Вероник и потащила меня к шкафу-купе в коридоре. Зеркальная створка скользнула в сторону, и передо мной возник модельный ряд мехов разных цветов – от классического черного до экстравагантного зеленого.

– Я возьму это. – Вероник выхватила вешалку с белым манто. – А тебе, – она на мгновение задумалась, – подойдут соболя. Как и положено русской принцессе!

Черная шубка оказалась мне великовата, но Вероник пояснила, что она понадобится только для того, чтобы пройти от машины к дому, и я не стала отказываться. Все лучше, чем ехать на бал в демократичном пальто от Zara.

Лимузин обогнул Триумфальную арку, и за окном промелькнули оживленные Елисейские поля с зазывно горящими вывесками ресторанов, наряженная в золотые огни Эйфелева башня, площадь Согласия со впавшими в зимнюю спячку фонтанами и почтительно застывшими статуями, роскошное здание Лувра и мрачный силуэт Нотр Дама де Пари. Казалось, водитель специально выбрал самый длинный маршрут, лежащий через все достопримечательности города.

– Ты ведь впервые в Париже? – сказала Вероник. – Я спрашивала у Александра. Жаль, что он не смог прилететь с тобой. Твой дед показал бы тебе такой Париж, который даже я не знаю. Он ведь вырос здесь, а я переехала всего четыре года назад. Но одно я знаю точно – по Парижу нужно непременно ходить пешком, из окна машины его толком не узнаешь.

За окном проплыли призывно горящие витрины легендарного парижского магазина «Галерея Лафайет», и я прильнула к стеклу, жадно вглядываясь в эту обитель высокой моды и едва не поскуливая от нетерпения. С ума сойти, на деньги Жана я смогу купить себе весь этот магазин! Ну, или хотя бы, его половину.

Вероник, поняв мое состояние, рассмеялась:

– Мы обязательно туда ходим. Хочешь, хоть завтра. Но на сегодня у нас другие планы. Держи!

Я механически взяла фужер на тонкой ножке, наполненный розовой жидкостью с пузырьками. Надо же, я и не заметила, как Вероник колдовала у встроенного бара. По салону распространился аромат игристого вина с примесью какого-то незнакомого запаха.

– Это розовое шампанское? – спросила я, с любопытством разглядывая прозрачное содержимое фужера. Если судить по черным бриллиантам и лимузину, шампанское должно быть самого высшего сорта. – Это «Мое Шандон» или «Вдова Клико»? – проявила осведомленность в винах я.

Эти вина, стоившие по сто долларов за бутылку, всегда были для меня символом роскоши и красивой жизни, но мне никогда раньше не приходилось их попробовать, даже когда я стала бывать на шикарных вампирских вечеринках. Московские вампиры предпочитали кровь и красное вино.

– Смеешься? Я бы не посмела угостить тебя такой дешевкой.

Я в удивлении подняла глаза на Вероник: она шутит?

– Это винтажное «Перрье Жуэ Блан де Блан», – непринужденно сообщила Вероник, отпивая из фужера. Заметив мое недоумение, она пояснила: – Это редкий сорт шампанского.

Тысяча евро за бутылку, не меньше, потрясенно поняла я, делая крошечный глоточек, который взорвался на языке фонтаном розовых лепестков, апельсинов, меда, ванили, яблок... и крови.

– Смешанный с кровью одного моего доброго друга в пропорции один к трем, – непринужденно пояснила вампирша и кивком указала мне на выдвинутую крышку бара, на которой стояла фарфоровая тарелка с бутербродами, густо намазанными черной икрой. – Закусывай.

– С кровью кого? – сглотнула я.

Вероник мило улыбнулась и назвала имя одного из французских актеров, известного на весь мир. Я с ужасом покосилась на фужер.

– Кровь собрана в тот славный день премьеры, когда слава кружила ему голову, а мой друг чувствовал себя самым талантливым артистом и самым желанным мужчиной на свете. Этот вкус особенный. Привыкай к красивой жизни, – покровительственно сказала Вероник и коснулась своим бокалом моего. – Чин-чин!

Отвлечшись на выпивку, я не заметила, как мы выехали за пределы Парижа и теперь за окном мелькали леса и коттеджные поселки.

– Мы разве едем за город? – насторожилась я.

– А я не сказала? – Вероник прикончила второй бокал шампанского и отставила его. – Вечеринка пройдет в одном из замков.

– Все сойдется, – хихикнула я, ловя губами очередную стайку розовых пузырьков. – Сказочные туфельки, добрая фея – визажист, лимузин-карета, дворец, в котором проходит бал. А я типа Золушка.

– И принц на черном коне, – задумчиво сказала Вероник, глядя в заднее стекло салона.

– Что? – не поняла я.

– Ничего. – Мне показалось, что ее глаза цвета моря на миг затопил шторм – такими черными они сделались. Но в следующий миг вампирша тепло улыбнулась, и я мысленно пожурела себя: пить надо меньше, надо меньше пить.

Опьянение шампанским накатило быстро, но также стремительно прошло. Когда лимузин въехал в ажурные ворота, проехал по припорошенным снегом аллеям и остановился перед парадной лестницей старинного замка, ярко освещенного иллюминацией, моя голова уже была трезвой. Разве что настроение было восторженным и все происходящее напоминало ожившую сказку. Для полного соответствия не хватает только принца. Как там сказала Вероник? На черном коне? Почему не на белом?

Дверь лимузина открылась, и я не глядя протянула руку человеку, который помог мне выйти. Только когда каблучки волшебных туфель коснулись асфальта и я выпрямилась, наши взгляды скрестились, и я удивленно ахнула:

– Ты?

Глава пятая

Вампирский корпоратив

– А ты ожидала увидеть кого-то другого? – Глаза Андрея насмешливо сверкнули, рука чуть сильнее сжала мою ладонь.

– Я вообще никого не ожидала увидеть. Я здесь никого не знаю, – сердито возразила я, вырывая руку и подмечая несоответствие его наряда для вечеринки со строго прописанным торжественным дресс-кодом. Вместо подходящего случаю смокинга или, на худой конец, костюма, Андрей был одет в черную косуху, из-под которой виднелась тонкая шерстяная водолазка, и черные кожаные штаны. Дополняли раздолбайский прикид тяжелые громоздкие ботинки и массивный серебряный перстень с изображением черепа.

– Хорошо выглядишь, – мне показалось, что в его голосе скользнула насмешка.

– Может, мне кто-нибудь поможет? – с недовольством воззвала из лимузина Вероник.

Андрей, спохватившись, предложил ей руку и помог выйти.

– Добрый вечер, мадемуазель старейшина.

Каблук подвернулся, и Вероник чуть не упала, но Андрей удержал ее, обхватив за талию сильным, властным жестом, каким мужчина прижимает свою возлюбленную. Старейшина вспыхнула, Андрей с почтением склонил голову, словно извиняясь за этот интимный жест, и убрал руки. Похоже, эти двое недолюбливают друг друга. Интересно, это обычная неприязнь вампиров к

Гончим или нечто другое?

– Пойдем! – Вероник схватила меня за руку и потащила по парадной лестнице вверх. Ее каблучки бешено застучали по ступеням, и мне пришлось ускорить шаг, чтобы поспевать за ней.

Обернувшись, я увидела, что Андрей остался у подножия лестницы, небрежно прислонившись к постаменту мраморного льва.

– А он, – заикнулась я, – не идет?

– Гончие не ходят на вечеринки, – зло отчеканила Вероник.

– Тогда зачем он здесь?

Вероник бросила на меня странный взгляд, но ничего не ответила. Два высоких охранника у дверей с почтением посторонились, и мы вошли в замок.

Сбросив шубы на руки швейцара, больше похожего на переодетого стриптизера (так он был хорош и плечист!), мы прошли через стеклянную галерею с окнами от пола до потолка и остановились перед высокими дверьми. На каждой половинке было изображено по огромному крылу. Будучи закрытыми, они соединялись в рисунок летучей мыши.

– Готова? – Вероник ободряюще мне улыбнулась и прислушалась к голосам, доносившимся из-за двери. Казалось, там гудел потревоженный пчелиный улей. – Похоже, все уже в сборе. Что ж, – она глянула на золотые часы на запястье, – мы достаточно всех потравили. Пора бы уже и показаться. Вуаля!

Она толкнула двери, и мы вошли.

Показалось, мы попали на похороны. В ярко освещенном огромном зале было черным-черно от вампиров, которые все как один были одеты в черное. Черные пиджаки, черные смокинги и черные брюки на мужчинах. Платья самых различных моделей на девушках – черные, как ночь. На ком-то черные перчатки до локтей, у кого-то черные ленты в волосах, у кого-то – бархатные повязки на

запястьях. На фоне этого торжества черного цвета мы с Вероник казались двумя экзотическими птичками, некстати залетевшими за кладбищенскую ограду и подвергшимися остракизму со стороны местных ворон.

Хм, это дресс-код или траур по случаю моего появления? А может, вампиры до сих пор скорбят по убитому Жану?

В пользу траура говорил и то, что как только мы появились, над залом повисла скорбная, тревожная тишина, и то, что вампиры в буквальном смысле окаменели при виде нас.

– Кажется, мы их убили наповал, – чрезмерно довольная собой, чуть слышно шепнула Вероник. А затем покровительственно обняла меня за плечи и шагнула вперед, увлекая за собой.

В тот же миг остолбеневшие вампиры отмерли и окружили нас. Зал взорвался грохотом приветствий, бэк-вокалом им служили реплики, которыми делились между собой вампиры, обсуждая меня и Вероник. Я расслышала слова «невообразимая выходка», «что она себе позволяет», «вопиющее неуважение к традициям», «натуральное посмешище». Я все поняла и не смогла не восхититься смелостью Вероник. Своим ярким платьем она отважилась бросить вызов всем. Но на этот дерзкий шаг ее толкнула я, вытащив из чемодана свое единственное вечернее платье – рубинового цвета. Похоже, что пафосные вечеринки в обществе парижских вампиров проходили при самом строгом дресс-коде – черное и ничего кроме черного. Поэтому-то Вероник и ахнула в тот момент, когда увидела мое платье. Она понимала, что другого у меня нет, платья из ее гардероба мне окажутся велики, а искать мне наряд в магазине уже нет времени. Уже одним своим появлением в неподобающем наряде я бросала вызов парижским вампирам. Не знаю, чего Вероник хотелось больше – поддержать меня или нарушить вековые правила, но только ей удалось и то, и другое. Причем последнее – просто блестяще. Вон как перекосило того бледного денди в первом ряду, который опирается на трость с громоздким набалдашником в виде земного шара. Даже костяшки пальцев, униженных старинными перстнями, побелели от напряжения. Однако стоит отдать ему должное – мужик справился с собой, изобразил гримасу любезности и шагнул к нам. Остальные вампиры замерли, словно от реакции этого лицемера зависело, примут ли нас в высшее общество или с позором выставят за дверь.

– Прекрасные дамы, – процедил он с улыбкой и ощупал меня зорким взглядом прозрачно-зеленых глаз. Обычно зеленые глаза красивы, как свежая зелень альпийских лугов, как изумрудные воды тропического острова, как бирюзовая гладь озер. Но глазами незнакомца не возникало желания любоваться, от них хотелось скорее отвести взор и отряхнуться. Как от чего-то грязного, липкого. Это была даже не пожухлая трава, не тусклая топь болота, а что-то еще более мерзкое. – Мы уж вас заждались! – Фальшь в его голосе была такой же броской, как и огромный бриллиант на одном из колец. Притворная любезность и подлинный алмаз размером со сливу – в этом что-то есть. Что-то фантасмагорическое.

– Ипполит, – принужденно засмеялась Вероник, – ты же знаешь...

Отчаянно захотелось ему надерзнуть, и я не успела спохватиться, как с моих губ уже сорвались слова, перебивая оправдания Вероник:

– На выезде из Парижа были пробки.

Вампир не выдал удивления такой чудовищной ложью, но и в долгу не остался:

– А в магазинах Парижа остались только красные платья?

– Почему же, – невинно отозвалась я. – Просто этот цвет мне к лицу. Вы не находите?

Наши взгляды скрестились, как шпаги дуэлянтов. Публика настороженно замерла. По открытой спине скользнул холодок, но я только вздернула подбородок. Вампир был выше, но это еще не повод смотреть на меня сверху вниз.

– Мадемуазель, вы просто обворожительны. – Фальшь в его голосе достигла максимума, как и неприязнь в глазах.

– Жанна. Меня зовут Жанна.

– Несказанно приятно. – Его рука метнулась ко мне, как плеть, и прежде, чем я успела сообразить, он схватил в плен мою ладонь и коснулся ее ледяным

светским поцелуем. – Позвольте представиться. Ипполит Сартр.

Тот самый, вспыхнула я, вспомнив слова дворецкого Бернара, и невольно выдернула руку. Впрочем, он меня и не держал. Однако моя реакция не осталась незамеченной: Ипполит метнул на меня настороженный взгляд инквизитора.

Плесень, поняла я, встретившись с ним глазами. Глаза Ипполита Сартра были похожи на старую, мерзкую плесень, которую обнаруживаешь на забытой в хлебнице булке, вернувшись из отпуска, и при виде которой к горлу подступает тошнота.

– Сартр, – сказала я, чтобы хоть что-то сказать, – что-то знакомое. Уж не тот ли самый, что, – я запнулась, пытаюсь вспомнить о каком же Сартре я слышала – певце или музыканте?

– Не тот самый, – с достоинством произнес вампир. – А его потомок.

– О! – Я изобразила вежливое удивление. – Я большая поклонница... работ вашего деда.

Заминка в моей речи была секундной, но и она не укрылась от зоркого Ипполита.

– Приятно слышать. И каких же?

Он уставился на меня с видом экзаменатора, собирающегося подловить нерадивого студента.

– Ранних, – с вызовом ответила я, чувствуя, как на меня смотрят все собравшиеся в зале и каждый из них мечтает, чтобы Ипполит посадил меня в лужу. Не дождутся! Кем бы ни был этот неизвестный мне предок, музыкантом ли, художником, артистом, его творчество можно разделить на периоды. Если только он не политик или военный! Но блефовать так блефовать. – В ранних работах есть душа, а в поздних – один профессионализм, – тоном знатока выдала я.

– Интересная трактовка. – Он оценил мой блеф. – Как-нибудь побеседуем об этом поподробнее, если вы не против? А пока не смею отнимать прелестную гостью у

жаждущей с вами знакомства публики. Приятного вечера. – Он склонил голову и отступил, оставляя нас с Вероник один на один с толпой черных фраков и черных платьев.

Сколько же их тут! Я с любопытством окинула взглядом парижан. Одетые с иголочки мужчины, затянутые в черный шелк и бархат женщины. Казалось, все черные платья из всех модных коллекций собрались в зале. Вот строгий черный бархат с узкой юбкой, миниатюрная хозяйка которого похожа на перевернутый бокал для шампанского, а ее прическа и лицо... Неужели Вивьен Ли? Нет, просто похожа. Вот собранный в сложный силуэт черный атлас, придающий хрупкой шатенке сходство с орхидеей. Вот маленькое черное платье на высокой блондинке с ногами до ушей. Такие ноги грех не продемонстрировать! А вот похожая на монашку дама в черном балахоне, которая смотрит на меня с явным осуждением. Ее сутулая соседка – натуральная ворона. Только клюва не хватает. А вон та взъерошенная брюнетка с короткой стрижкой, с накинутым на плечи черным боа и в платье с силуэтом колокольчик, вылитая попугайша. Вот умопомрачительная брюнетка с эффектным декольте, а вон задрапированная, как мумия в саван, каланча с большим носом. Чуть поодаль – шатенка в платье с модным силуэтом «баллон», который совершенно не идет к ее коренастой фигуре. А вот роковая красавица в платье с высокими разрезами по бокам, которое магнитом притягивает взгляды мужчин.

Собравшиеся в основном европейцы – белокожие и смуглолицые, но почти все брюнеты. Наверное, среди них много итальянцев и испанцев. Я уже успела заметить, что парижане похожи на своих соседей со Средиземного моря. В сравнении с многонациональной московской тусовкой, здесь экзотических лиц единицы – парочка афроамериканцев держится особняком, статный араб – по гордому виду, шейх, не меньше! – обнимает за плечи миловидную голубоглазую блондинку, прехорошенькая азиатка смотрит на меня во все глаза, так что ее узкие от природы глаза сделались похожи на очи мультяшек из аниме. Знаменитостей меньше, чем в Москве. Я опознала французского писателя, недавно приехавшего в Россию, забытую солистку русской поп-группы, итальянскую актрису, пик славы которой пришелся на конец девяностых. А это неужели... Я взволнованно зарделась при виде испанского певца, песнями которого заслушивалась в школе. Знойный мачо с тех пор совсем не изменился. Интересно, в мою честь запланирован концерт, как тогда, в Москве? Я бы не отказалась послушать кумира моей юности вживую. Интересно, он все так же страстно трясет бедрами? Заметив мой взгляд, горячий испанец игриво повел бровями, а на его подбородке образовалась ямочка, которую я до дыр зацеловала на плакате, когда-то давно висевшем в моей комнате. Смешавшись,

я отвела глаза. Еще несколько лиц показались знакомыми, но я так и не вспомнила имен. Возможно, звезд здесь не меньше, просто я не знаю тех, кто пользуется известностью здесь.

– Что ж, господа, – Вероник хлопнула в ладоши, – вы, наверное, проголодались?

Я встревоженно покосилась на нее. Надеюсь, в мою честь не запланировано никакое жертвоприношение с дальнейшим распитием свежей крови?

– Давайте пройдем к столу, – Вероник двинулась через зал к арке, уводящей в соседнее помещение.

Вампиры словно только и ждали этой команды – загудели и хлынули следом за нами. Не удержавшись, я бросила взгляд через плечо. Черная волна фраков и платьев – то ли стая ворон, то ли траурная процессия, то ли свита черной королевы.

Если первый зал был бальным, то здесь располагался банкетный с уже накрытым длинным столом. Мы с Вероник сели в самом центре, а места по бокам от нас заняли двое мужчин – добродушного вида толстячок с щеточкой усов на круглом лице и серьезный брюнет с колючим взглядом, похожий на крестного отца в исполнении Аль Пачино. Он и оказался моим соседом.

– Как вам нравится Париж, Жанна? – светски обратился ко мне он.

– Очень нравится, – искренне сказала я. – Хотя я его еще толком не видела. Только то, что показала мне Вероник из окна лимузина.

– А мы, пока ждали вас, думали, что вы застряли в очереди к Эйфелевой башне, – сострил толстячок.

– Хотите я стану вашим гидом на завтра? – неожиданно предложил «мафиози», чинно расправляя на коленях белоснежную салфетку.

Не хочу, испугалась я. Но и отказать такому страшно. Сразу видно – к отказам он не привык.

– Прекрати, Пьер! – спасла меня Вероник. – Я сама покажу Жанне город.

– О, нет, – с насмешкой возразил он. – Ты покажешь Жанне магазины, а это совсем другое.

– Вот поэтому моя экскурсия будет более полной, – не осталась в долгу Вероник. – А ты ограничишься одним Лувром и не выпустишь оттуда Жанну, пока вы не обойдете все этажи.

– В музей хорошо, а в бутике лучше, – вставила свое слово я.

Вероник звонко расхохоталась, а Пьер шутливо воздел ладони:

– Ладно-ладно, я умываю руки!

– Наша прелестная гостья уже взяла тебя в плен? – Ипполит со светской улыбкой опустил на стул напротив меня. – Будешь вторым в очереди после меня.

– Ну вот, вся верхушка в сборе, – провозгласила Вероник. – Жанна, знакомься, это другие наши старейшины – Эмиль, – она кивнула на толстячка. – Пьер. А Ипполита ты уже знаешь.

Вот черт! Под его заплесневевшим взглядом у меня весь аппетит пропадет. Надеюсь, он не вздумает расспрашивать меня о своем славном родственнике. Ведь я так и не улучила момент, чтобы уточнить у Вероник, кто же такой этот Сартр. Однако Ипполит был безупречно вежлив, не позволил себе ни единой колкости, галантно подкладывал мне угощения, если его не опережали официант или Пьер. И только его заплесневевший взгляд, который я то и дело ловила на себе, омрачал застолье.

А уж на столе чего только не было! Стоило мне с любопытством окинуть ближайшее блюдо, как Пьер, Эмиль и Ипполит бросались за мной ухаживать.

– Не желаете ли салат по-ниццеански, Жанна? – чинно спрашивал Ипполит.

– Я смотрю, вас заинтересовало эскарго по-бургундски? – живо откликнулся Эмиль. – Осторожно, его готовят на чесночном масле! Шучу, шучу! Если только

вы не собираетесь ни с кем целоваться, оно вам ничем не повредит... Впрочем, если вы соберетесь поцеловаться со мной, я готов все мужественно стерпеть!

– Жанна, вы обязательно должны отведать лягушачьи лапки по-провансальски, – наклонившись ко мне, убеждал Пьер. – Наш повар готовит их лучше всех в Париже! Пришлось сделать его вампиром, чтобы он улаждал наш вкус своими шедеврами долгие годы...

– Пьер, отстань ты со своими лягушками! – перебивал его Эмиль. – Вот утиная грудка в персиках – это шарман. А к ней изумительно подойдет розовое анжуйское... Позвольте ваш бокал, мадемуазель!

– А это любимое блюдо Вероник – устрицы, – искушал Пьер.

– Даже не соблазняй ее моими устрицами! – весело восклицала Вероник. – Я съем все блюдо! Где мое белое «Шабли»? Благодарю, месье Эмиль.

Вопреки моим опасениям, к застолью не прилагался неутомимый ведущий, без конца вовлекающий гостей в игры и конкурсы. Все было чинно и благородно, как при королевском дворе. Услужливые официанты, светские разговоры, изысканные блюда, взгляды из-под ресниц. Здесь никто открыто не разглядывал меня, как на моей дебютной вечеринке в Москве. И хотя я постоянно, каждым сантиметром кожи ощущала цепкие изучающие взгляды, стоило мне скользнуть глазами по сидящим, как те мгновенно делали вид, что увлечены созерцанием соседа или содержимым тарелки, а до меня им нет никакого дела.

– Вероник, – прошептала я, когда наши соседи отвлеклись на бурное обсуждение премьеры в Гранд Опера, – как ты тут живешь?

В глазах вампирши промелькнула грусть.

– Ко всему привыкаешь, Жанна.

– Мне кажется, это не люди, а тени.

– Это западная сдержанность, – пояснила Вероник. – Мы с тобой похожи, наши народы близки по духу. А французы предпочитают маску вежливости открытому

проявлению чувств. Даже те, кто приехал сюда из других стран, со временем перенимают такое поведение.

– Должно быть, тебе здесь тяжело, – посочувствовала я.

– Знаешь, если бы меня не выбрали в старейшины, я бы сбежала к вам, в Москву, – поделилась Вероник. – Александр звал меня, после того, как переехал. Я уже наполовину собрала чемодан, как вдруг это назначение! Сама понимаешь, такое выпадает раз в жизни, и то не всем, – она грустно улыбнулась, словно сожалея о своем решении.

– Никогда не поздно переехать, – утешила ее я.

– Да. Но к тому времени там уже не будет Александра...

Совсем рядом зазвенела знакомая надрывная мелодия из какой-то телевизионной рекламы. Бросив короткий взгляд на экран мобильного, Ипполит с грохотом отодвинул стул и, опираясь на трость, вышел из зала, на ходу отвечая на звонок.

– Секретные переговоры, – хмыкнула я, глядя ему вслед. – Кстати, Вероник, – убедившись, что наши соседи перешли к обсуждению арманьяка, я тихо спросила: – Этот Сартр – он кто? Художник или актер?

Та звонко расхохоталась.

– Ну ты даешь! Ты понятия не имеешь о том, кто этот славный предок? О, – передразнила она меня, – я так люблю его ранние работы! Совсем не то, что поздние!

Я сконфуженно потупила глаза.

– Не бойся. Я не выдам твой страшный секрет, – торжественно поклялась Вероник. – Жан-Поль Сартр – писатель и философ.

Хорошо, что не военный!

– И этот Ипполит ему кто – сын, внук? – уточнила я.

– О, я даже толком не знаю. Никто не знает. Ходят слухи, что он даже не прямой потомок, но никто не рискует высказать свои сомнения. В конце концов, кому какая разница? А ты, – она виновато замялась, – на меня не сердишься? За платье?

Ну как на нее сердиться? Вся так и сияет торжеством. А это болото снобов давно было пора встряхнуть. И мне лестно, что я имею к этому самое непосредственное отношение.

– Зачем ты это сделала? – спросила я.

– Давно мечтала. Вот только случая не было.

– Случая или смелости?

– И этого тоже, – призналась Вероник. – Строгий дресс-код соблюдается уже несколько веков, а я все-таки старейшина.

– Ты все правильно сделала, – я сжала ее руку. – Вот увидишь, на следующем таком сборище будет уже больше ярких платьев!

– Да уж, – хмыкнула она, – мы порядком встряхнули этот улей.

Мы заговорщически перемигнулись и стукнулись бокалами, в которых плескалось кроваво-красное мерло урожая 1985-го – года моего рождения. Своеобразный знак уважения парижских вампиров залетной гостье.

Вернулся Ипполит, с чрезвычайно озабоченным видом что-то сказал Эмилю с Пьером. Мужчины поднялись, Ипполит повернулся к Вероник:

– Есть дело.

Та без лишних расспросов отставила бокал и встала из-за стола, бросив мне:

– Извини, Жанна. Я скоро.

Четверо старейшин прошли мимо почтительно примолкших вампиров и скрылись за аркой. А потом взгляды присутствующих ударили по мне пулеметной очередью, а в оживленных разговорах, казалось, чаще зазвучало мое имя. Стараясь сохранить независимый вид, я сделала большой глоток вина и отправила в рот ломтик пармской ветчины, совершенно не почувствовав вкуса. Оставшись без Вероник и без соседей по столу, я остро почувствовала свое одиночество и чужеродность этой тусовке, где мне никто не был рад.

Никто не подсаживался ко мне, как на дебютной вечеринке в Москве, не заводил знакомства, не оставлял визитки. А я еще побаивалась, что меня, как наследницу баснословного состояния, изведут знакомствами и приглашениями. Меня изучали со стороны, как нового обитателя в террариуме, и все мои попытки поймать чей-нибудь взгляд заканчивались провалом.

Хоть бы Андрей что ли ко мне подсел! Вспомнив о нем, я окинула взглядом собравшихся. Гончего за столом не было, и мне вдруг сделалось жаль его – оставшегося на пронизывающем ветру, не приглашенного к праздничному столу, а может он и сам не захотел присоединиться.

От внезапной мысли вино комом стало в горле. А что, если они знают? Знают, кто на самом деле убил Жана? Но пресловутое воспитание не позволяет им выставить меня вон, а наследство, которое мне полагается по завещанию, вынуждает мириться с моим присутствием?

А может, они просто ждут от меня первого шага? Может, никто не осмеливается так запросто присесть на место старейшин и завести со мной беседу? Я ободряюще улыбнулась двум черноволосым вампирам – элегантно одетым мужчине и женщине, которые сидели ко мне ближе остальных. Они были так похожи, что их можно было принять за брата и сестру. Или за супругов, проживших вместе долгие годы. Но осмелиться высказать это вслух я не решилась. Мужчина заметил мой взгляд в тот момент, когда подкладывал в тарелку своей спутницы сыр Дор-Блю. Он светски улыбнулся мне и протянул руку за моей тарелкой, расценив мой взгляд за гастрономический интерес. Отказываться было неудобно, и я стала счастливой обладательницей щедрой горки сыра с плесенью, которого я и прежде-то терпеть не могла, а сейчас и вовсе возненавидела. Черноволосая вампирша бросила на меня ревнивый взгляд – мол, что же я не ем, коль напросилась? – и с вызовом отправила в рот сырный

кубик. Пришлось последовать ее примеру. Зря, потому что от специфического вкуса меня замутило, и под прицелом сотни пар глаз я выбралась из-за стола. Я нашла в себе сил с гордо выпрямленной спиной прошествовать через зал, но, нырнув в арку, ускорила шаг, пробежала пустую бальную залу и буквально вывалилась в двери, на половинках которых были нарисованы крылья летучей мыши.

Оказавшись в стеклянной галерее, я в замешательстве огляделась по сторонам. Я понятия не имела, где искать дамскую комнату, а спросить было не у кого. В галерее не было ни души. Здесь было свежо, и я зябко повела голыми плечами. Морозный воздух скользнул под юбку, задержался на лодыжках и побежал по ногам, отзываясь мурашками. Ночь, просочившаяся сквозь стекло, поила меня прохладой, и я жадно пила воздух, как голодный вампир – кровь. У парадного входа мелькнули огни, и я прильнула к стеклу, в надежде увидеть Андрея, по-прежнему подпирающего постамент мраморного льва. Но Гончого на улице не было. От крыльца к воротам отъехал черный автомобиль, а когда шум мотора умолк вдали, я услышала стук каблучков, чеканящих по паркетному полу бального зала – кто-то из вампирш, оставшихся в зале, направлялся в галерею. Крылья-створки распахнулись, впустив черную бабочку.

– Вот ты где! – Молоденькая вампирша в черном платье с высокими разрезами по бокам, которую я при первом осмотре охарактеризовала как роковую красотку, безо всякого стеснения разглядывала меня в упор, и в ее голубых глазах танцевали смешинки. Растерявшись от этого откровенного взгляда, столь непривычного среди этой публики, я не сразу сообразила, что фраза прозвучала по-русски.

– Бессонова! Жанка! – Вампирша хлопнула себя по бокам. – Ну точно ты! У тебя сейчас такой же потерянный взгляд, как когда Каркуша тебя к доске вызывала, а ты стихотворение Пушкина выучить забыла.

Каркуша – это строгая учительница литературы, а это, стало быть...

– Ленка, ты? – не веря своим глазам, выдохнула я.

Мы дружили в средних классах, а потом Ленка вместе с отцом-дипломатом и матерью-скрипачкой исчезла из моей жизни без следа. Ни записки, ни адреса, ни телефона. Родных в Москве у нее не осталось, попытка разыскать ее через

«Одноклассники» успехом не увенчалось: пришлось перелопатить сотню страниц Елен Романовых, чтобы убедиться, что ни одна из них не имеет отношения к моей школьной подруге.

– А то кто же! – хохотнула басом подружка, что случилось с ней в минуты волнения, и я окончательно поверила, что передо мной не иллюзия, не мираж, а моя школьная подруга Ленка Романова во плоти. В следующий миг мы уже обнимались и звонко расцеловывались – не по-европейски целуя воздух у щеки, а щедро оставляя жирные следы от помады.

– Ленка, дай хоть я на тебя посмотрю!

– А я – на тебя! Я глазам своим не поверила, когда ты вошла в зал вместе с Вероник. Вот уж кого я меньше всего ожидала здесь увидеть, Бессонова, так это тебя!

Я смотрела на нее и не узнавала. От прежней подростковой угловатости не осталось и следа – Ленка выглядела как статуэтка, выточенная руками искусного мастера. А может, и вылепленная руками пластического хирурга. Вместо былых округлых щек – высокие скулы, вместо косицы мышинового цвета – мягкие золотистые локоны. Исчезла уродливая железная скоба на зубах – новая Ленка была счастливой обладательницей белоснежной голливудской улыбки. Остались в детстве обкусанные под корень ногти – маникюр Лены можно было снимать для рекламы салона красоты.

– Расцвела, – вынесла вердикт Лена.

– А ты просто звезда, – честно сказала я.

Так много хотелось у нее спросить: где она была все это время? Кем стала? Чем занимается? Но все эти типичные вопросы, которые задают старому знакомому, встретившись спустя целую жизнь, затмил другой – неожиданный и фантаσμαгоричный, когда речь заходит о школьной подруге, с которой делишь яблоко на перемене, тайком читаешь глянец под партой и впервые пробуешь мамину помаду.

– Ленка, ты вампир?!

– Сразу видно – простая русская душа, – развеселилась она. – Смотри не вздумай так назвать кого из здешних. Вероник тебя еще простит, а Ипполит – никогда. Здесь все посвященные, избранные.

Ленка знакомым дружеским жестом потрепала меня по плечу.

– С ума сойти, моя старая подруженция – знаменитая единокровная наследница Жана! Я уж молчу о том, что история твоего бесцеремонного вступления в Клуб подняла на уши весь Париж. Признаться, я даже восхищалась твоей наглостью!

– Все вышло случайно...

– А знаешь, Бессонова, – она пристально взглянула на меня и рассмеялась, – никому бы на свете не поверила, а тебе верю. Только с тобой такое могло произойти, – она передразнила меня, – случа-айно.

– Лен, а ты-то как здесь?

– Долгий разговор, – она повела плечом, прислушиваясь к нарастающему гулу, который доносился из зала. – И не здесь, не сейчас. Ты ведь еще задержишься в Париже? Вот и заезжай ко мне, наболтаемся до хрипоты.

На противоположном конце галереи зазвучали голоса – разговор явно шел на повышенных тонах, и там показались старейшины.

– Идем, – Лена потянула меня к дверям. – А то совсем тут задрогнем.

Створки-крылья распахнулись, и мы вошли в бальную залу, где снова собрались все вампиры.

– Чего это они? – шепотом спросила я.

– Поели, теперь можно и потанцевать, – ничуть не удивилась она. – Но я бы, честно говоря, не отказалась прежде хлопнуть бокальчик винца. Что-то я замерзла, пока с тобой там стояла. А, Бессонова?

Я охотно поддержала ее предложение. Танцевать мне было не с кем, а подпирать стенку не радовало.

Мы прошли мимо разделившихся на группки вампиров и миновали уже половину зала, как вдруг грянула музыка. Мелодия волной пронеслась по залу, разбилась об высокий потолок, потревожив стеклянные сережки огромной люстры, и рассыпалась хрустальными звуками рояля, по клавишам которого в упоении молотил длинноволосый музыкант. Вампиры, уже заранее разбившиеся на пары, стремительно закружились в вальсе, отрезая нам путь к арке. К Лене подскочил какой-то высокий шатен в смокинге и умчал ее в танце на другой конец зала. Я растерянно замерла в самом центре зала – оглушенная музыкой, брошенная всеми. Незанятые кавалеры игнорировали меня, выискивая партнерш среди знакомых девушек, и вот уже в зале не осталось ни одной одиночки кроме меня. Танцующие вампиры ловко огибали меня, словно вокруг меня образовалась стеклянная сфера. Пронеслись мимо девушка в платье, похожем на цветок орхидеи, с кавалером, затянутым во фрак, как в футляр. Солидно провальсировала дама-монашка с мужчиной, похожим на ворона. Промчалась со своим кавалером, кажется, даже не заметив меня, веселая Ленка. А я столбом стояла в центре всеобщего веселья и чувствовала себя в полном, абсолютном вакууме. Я была чужая здесь. Никому не было до меня дела. Никому я была не нужна... Чувствуя, как на глазах против воли закипают злые слезы, я собралась прорвать круг танцующих и убежать. Только не в банкетный зал, куда мы направлялись с Леной, а в стеклянную галерею, которая ведет к выходу. А там рухнуть в лимузин – и куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Хоть сразу на самолет до Москвы!

Собралась, но не успела. Кто-то сильным рывком развернул меня к себе и притянул за талию, увлекая в танце.

– Ты? – улыбнулась я, сквозь алмазную вуаль слез, повисших на ресницах.

– Не понимаю, почему тебя всегда так удивляет мое появление, – невозмутимо заметил Андрей. – Ах, прости! Кажется, я нарушил правила. Для начала мне следовало испросить у тебя разрешения на этот танец.

– Мне приятно танцевать с тобой, – просто призналась я, чувствуя себя уютно и защищенно в его руках.

– Француженка скорее откусила бы себе язык, чем призналась в этом, – усмехнулся Андрей, уверенно ведя меня в танце.

– Я не знала, что ты умеешь танцевать вальс.

– А откуда тебе было знать? – невозмутимо принял похвалу он. – Мы же с тобой прежде не танцевали.

Впервые со дня нашей самой первой встречи на Воробьевых горах мы оказались так близко друг к другу, и в глазах Андрея, казалось, вспыхнул огонек узнавания.

– Знаешь, – с нарочитой небрежностью признался он, – мне кажется, что это уже когда-то было.

– Ты, я и вальс? – усмехнулась я. – Возможно, в прошлой жизни...

И ведь не слухавила! Именно, что в прошлой жизни. Только тогда нас соединил вместе не вальс, а мотоцикл. И точно так же тогда в ушах шумело море, сердце колотилось в груди и пальцы цеплялись за Андрея, стремясь подольше привязать к себе... Теперь я знала, что это реакция не на мотоцикл, а на этого мужчину – непостижимого, далекого, неотразимого в своей неприступности.

Андрей ничего не ответил, лишь сильнее крутанул в танце, и море в ушах достигло масштабов цунами, пальцы вцепились в его ладонь, как в спасательный круг, и я вдруг отчетливо поняла: без этого мужчины я умру, рядом с ним – утону.

Должно быть, со стороны мы представляли собой экзотическую пару. Девушка в красном платье и мужчина в кожаной косухе среди черной толпы празднично одетых вальсирующих. Мы были здесь чужими и по одиночке чувствовали себя изгоями. Но, соединившись в танце, мы стали парой, вокруг которой кружились все остальные. И, готова поспорить, каждая из девушек, танцующих со скучными кавалерами в одинаковых смокингах, мечтала оказаться на моем месте, в объятиях непокорного Гончего.

Вальс закончился быстрее, чем мне того хотелось бы. И, похоже, не только мне. Андрей задержал мою руку в своей и отпустил ее, как мне показалось, с некоторым сожалением. Его перстень с черепом царапнул мою кожу, оставив на ней тонкую красную линию. Андрей этого не заметил. Я не подала виду. Мне было приятно, что у меня остался временный знак на память об этом танце.

– Не останешься? – спросила я.

– Хорошего понемножку, – он улыбнулся уголками губ, и мне мучительно захотелось их поцеловать. В благодарность за мое спасение от позора.

Хотелось сказать ему: «Может, сбежим отсюда?» Но Гончий уже развернулся и зашагал к дверям – вампиры расступались перед ним. Но не с почтением подданных, как перед старейшинами, а с высокомерием аристократов, не желающих даже полрой одежды коснуться простолюдина.

Меня обняла за плечи Вероник:

– Я смотрю, ты здесь не скучала? Извини, что пришлось тебя покинуть. – Она изобразила гримаску. – Дела государственной важности.

– Что-то случилось?

– А, – она беззаботно махнула рукой, – очередная чепуха.

Зазвучала музыка, и рядом стукнула об пол трость Ипполита. Глаза цвета плесени обволокли меня болотной топью, словно желая утопить меня на дне.

– Мадемуазель не подарит мне танец?

Я мысленно содрогнулась, представив, как руки Ипполита коснутся меня, а его неприятные глаза приблизятся к моим.

– Прошу прощения, месье Сартр, – светски отклонила предложение я. – Я слишком устала.

– Тебе надо подкрепиться! – Вероник подхватила меня за локоть и увлекла к арке, ведущей в банкетный зал.

Вампиры, кружащиеся в танце, почтительно пропускали нас.

– Чего нужно от меня этому скользкому типу? – прошипела я, убедившись, что Ипполит Сартр надежно захвачен миловидной блондинкой в старомодном платье с кринолином и до конца танца из ее цепкой хватки не вырвется.

– Быть может, ты разбила его сердце? – со смешком предположила Вероник, садясь на место.

– Это последнее, во что я поверю, – возразила я, опускаясь рядом. – Но ему от меня что-то надо, по глазам видно.

– Ты проницательна, малышка. И, похоже, я догадываюсь, что именно.

Я вопросительно глянула на нее.

– У Ипполита были кое-какие общие дела с Жаном, – поведала она, накладывая себе салат с креветками и авокадо, и жестом остановила официанта, который было бросился к ней – мол, сама справлюсь.

– С Жаном? – поразилась я. Известие казалось до неправдоподобия фантастичным. Жан и Ипполит были разного поля ягоды – тут и к гадалке не ходи. И хотя Жана я видела два раза в жизни, а Ипполита – впервые, мне было сложно поверить в какое-то партнерство между ними. Скорее я была бы готова поспорить, что Жан Ипполита терпеть не мог. А тот отвечал ему взаимностью. – И что же это за дела?

– Жан выступал спонсором гольф-клуба, управляющим которого является Ипполит, – объяснила Вероник.

Все чудесатее и чудесатее.

– Жан любил гольф? – Я удивилась. По моим ощущениям, он куда больше увлекался стрельбой, охотой и единоборствами. Во всяком случае, оружием и техникой боя он владел отменно, в чем я имела возможность убедиться лично. Если бы не Слеза Силы, спасшая меня от его меткого выстрела во время нашей последней встречи, я бы получила пулю в лоб.

– Наверное, любил, – пожала плечами Вероник. – Иначе зачем бы он содержал клуб?

Логично.

– А чего он от меня-то хочет? – нахмурилась я, подвигая блюдо с пармской ветчиной и дыней. Дыня в январе – все равно что подснежники в декабре, высший шик!

– Жанна, ну это же элементарно! – Вероник покосилась на арку и наклонилась ко мне. – Со смертью Жана Ипполит лишился богатого спонсора. И теперь, когда ты унаследовала все его состояние, он надеется уговорить тебя сохранить в силе договоренность, заключенную при жизни Жана.

Я поперхнулась мякотью дыни.

– Он это серьезно? Это же, наверное, уйма денег!

– А ты собираешься ему отказать? – В глазах Вероник промелькнула тень удивления.

– Конечно! С какой стати я буду оплачивать его расходы на гольф-клуб? Уж лучше я куплю себе дом моды.

– Ты смелая девушка, – со странным выражением заметила Вероник.

– Намекаешь на то, что он способен сделать мне какую-нибудь подлянку? – насторожилась я. Признаться, иметь во врагах вампира с плесенью в глазах мне не хотелось. Но и благотворительностью в его пользу я заниматься не собиралась.

Но Вероник не ответила на мой вопрос, а оживленно зашебетала, кося взглядом мне за спину:

– А у Тиффани новая коллекция, мы с тобой обязательно должны ее посмотреть!

Стук трости по полу оповестил о приближении Ипполита. Я обернулась.

Судя по источающей патоке физиономии вампира, нашего разговора он не слышал и поверил словам Вероник, что мы собираемся совершить набег на ювелирный магазин.

– Лучшие друзья девушек – это бриллианты, а, девушки? – игриво произнес он, многозначительно глядя на кольцо из черных бриллиантов на моей шее. – Что ж, желаю вам удачного шопинга. – И добавил с намеком: – Вы, Жанна, теперь богатая наследница и должны носить самые лучшие украшения.

Ага, прямо одолжение сделал. Мол, ты, деточка, устрой себе безумный шопинг, так уж и быть. Только и обо мне потом не забудь, прояви щедрость.

– А теперь вынужден вас покинуть, прекрасные дамы, – раскланялся он. – Не держите на меня зла, Жаннет, я уже стар для подобных мероприятий.

Мы обменялись любезными улыбками, и Ипполит поковылял прочь, тяжело опираясь на трость и подволакивая левую ногу, будучи похожим на Жоффрея де Пейрака. Со спины сходство было почти полным – средний рост, коренастая фигура, волосы цвета воронова крыла. Лицом же Ипполит ни в чем не напоминал благородного графа. Если бы не эта плесень в глазах, его можно было бы назвать если не красивым, то уж во всяком случае интересным. Его черты лица были правильными, хоть и довольно резкими. Немного портил впечатление чуть широковатый нос, который приносил в аристократичные черты Ипполита что-то от мавра, и слегка ассиметричные брови – одна была чуть выше другой.

Когда он скрылся, я тихо спросила у Вероник:

– Что у него с ногой?

И ожидала услышать грустную историю о родовой травме или автокатастрофе, оставившей вампира калекой на всю жизнь.

– Горные лыжи, – пояснила Вероник.

– И давно?

– Да вот, на Новый год.

– Так это обычный вывих? – Я не скрывала своего разочарования.

– Обычное не бывает. Зато прекрасный случай выгулять в свет фамильную трость.

– От предка-писателя досталась?

– Нет, писатель по мужской линии, а по женской у него в роду был какой-то герцог.

– Так он, должно быть, богат? – удивилась я.

– Что ты! Герцог давно разорился, остались одна трость да кольцо с бриллиантом – может, обратила внимание, крупное такое? Настоящий пятикаратник, – в голосе Вероник скользнуло восхищение.

Я кивнула: такое разве не заметишь?

– А сколько ему лет? – Я вспомнила слова Ипполита о возрасте.

– Недавно пятидесятилетие отмечали. А в Клубе он меньше десяти лет.

– А по его словам можно подумать, что ему все триста, – фыркнула я. – Надо же, и уже старейшина. Не слишком он молод для этого?

– Нижняя планка сорок пять лет, – пояснила Вероник.

Меня так и подмывало спросить, сколько же лет ей самой. Неужели она ровесница моего деда? Но вопрос был слишком бестактным, чтобы задать его вслух.

Музыка стихла, и вампиры хлынули в зал, набросившись на вино и напитки.

– Расскажи мне о вашей тусовке, – попросила я. – Что-то я не вижу у вас обилия знаменитостей, как в Москве.

– Это потому, что ваше отделение довольно молодое и ваши люди в основном обращены уже после Пражского договора, когда принимать в Клуб стали за заслуги, а не просто так. Мне Александр рассказывал, – объяснила она свою осведомленность. – А у нас все патриархально, как в каменном веке. Бароны, графы, герцоги... Полный мрак! – Она закатила глаза. – Каждому за сотню лет, заслуг ноль, зато гонора на миллион, и родословная на полмили.

– Но разве они не должны переезжать каждые десять лет, чтобы не привлекать к себе внимания? – Я вспомнила один из главных законов тайного общества вампиров.

– Они и переезжают, – хмыкнула Вероник. – Из Парижа в Лондон, из Лондона в Вену, из Вены в Прагу, из Праги в Копенгаген, из Копенгагена в Берлин, а оттуда обратно в Париж, потому что через пятьдесят лет снова можно вернуться на прежнее место. Так и кочуют по всей Европе по кругу. Тут все друг друга знают уже сто лет. В прямом смысле слова. Так что не переживай, что тебе так сразу не удалось влиться в коллектив, – она ободряюще сжала мою руку. – Это не потому, что с тобой что-то не так. Просто у тебя нет рекомендации от Бонапарта и ты не можешь поддержать разговор о французской революции.

Глядя, как Вероник потешается над консерватизмом своих земляков, мне сделалось спокойней. И правда, не хотят они со мной водить дружбу в силу своей аристократичной гордыни – и не надо. Для того, чтобы приятно провести время в Париже, у меня есть компания веселой Вероник и неожиданно отыскавшейся Лены.

Официанты запорхали по залу с подносами, и воздух наполнили ароматы жареного мяса. Я нацелилась на утиную грудку в персиках, но та проплыла мимо, уносимая официантом, а на стол перед нами опустился поднос с молочным

поросенком, запеченным целиком.

– Я не могу это видеть, – простонала я, отводя глаза.

– Ты оскорбишь нашего шеф-повара до глубины души. Он специально внес в меню это блюдо для гостьи из России, – усмехнулась Вероник. Но уговаривать меня отведать кусочек не стала, а сделала знак официанту и велела подать филе утки.

Французская речь журчала под французское вино, подносы пустели, бледные лица вампиров тронул румянец. На меня уже не обращали такого пристального внимания, как в начале вечера, и мы с Вероник весело болтали обо всем на свете. Она рассказывала о своем детстве в Мексике, о прежних городах, в которых она жила, став вампиром, о том, как по счастливой случайности опоздала на «Титаник»... Сколько же ей все-таки лет?!

– Да-да, – рассмеялась она, перехватив мой взгляд, – и не смотри на меня так! Я живу на земле уже больше века.

– Выходит, ты даже старше моего деда?

Вероник удивленно взмахнула ресницами:

– А он тебе не говорил?..

– Что?

– Да нет, – она на мгновение запнулась, – ничего.

И тут же принялась весело рассказывать, как лет пятнадцать тому назад была звездой мыльной оперы в Мексике, а совсем недавно снялась в нашумевшем фильме дублершей Моники Беллучи. Умела Вероник и слушать. Она с живым интересом расспрашивала меня о моей жизни, о встрече с Жаном, о моем впечатлении от московских вампиров. Разговор невольно коснулся и трагической гибели вампиров от рук старейшины Инессы. Вероник горячо посочувствовала мне и восхитилась моей смекалкой, которая помогла разоблачить неуловимую убийцу. Мы успели договориться, что завтра до или после визита к нотариусу

Вероник покажет мне Париж, и я почувствовала, что настало время припудрить носик. Вампирша объяснила мне, куда следует идти (через стеклянную галерею, направо от парадного входа), и я вышла из зала.

Проходя через галерею, я не удержалась и отыскала взглядом мраморного льва у крыльца. Андрея возле него не было. Ну и ладно. Может, он уже уехал. Хотя зачем тогда вообще приезжал? Это так и осталось для меня загадкой.

Выйдя из галереи, я уверенно направилась на щебет женских голосов. Где еще толпиться болтушкам, как не у зеркала в дамской комнате? Однако уловив смысл слов, я замедлила шаг и прислушалась к разговору, предварительно оглядевшись по сторонам и убедившись, что меня не видят ни охранники, стоявшие по ту сторону входных дверей, ни девушки, скрытые от меня стеной.

– Подумать только – вырядиться в красное! – звонко возмущалась невидимая мне вампирша. – В красное!!!

Сказано это было таким тоном, будто я предстала взору публики не в изысканном платье от Диор, а в комплекте вульгарного красного белья из секс-шопа.

– Как говорят эти русские, в чужой собор со своим уставом, – пылко поддержала ее другая.

– Какое неуважение к вековым традициям! – прожужжала третья. – Посметь так грубо и демонстративно преступить наши правила!

– Я не припомню подобной дерзости за два века парижских балов, на которых мне удалось побывать! – продолжила сердиться первая вампирша. Похоже, она здесь задавала тон, а остальные лишь служили свитой. – На вечерних торжествах вампиры всегда носят черное. Черное!!! ...А вы видели, как она танцевала с этим ищейкой, Андре? – осуждающе добавила она. – Да как он вообще посмел преступить порог этого зала!

– Недопустимо, непозволительно! – загалдела ее свита.

– Думает, раз ей достались миллионы Жана, ей все можно? – возмущенно прошипела «королева».

– Я вообще не понимаю Жана, – горячо сказала та, что припомнила поговорку про чужой монастырь. – Его наследницей должна была стать ты, Изабель. Вас ведь столько связывало... А эта сумасшедшая русская просто посмешище.

– Никакого представления об этикете и политесе! – донеслось до меня змеиное шипение других вампирш. – Ей никогда не стать одной из нас! Даже в платье от Диора она выглядит дешевкой! У этой бестолочи нет ни одного самого маленького таланта!.. Отчего же? Сегодня вечером она с блеском выставила себя посмешищем! Ее манеры исправит только могила. – До меня донеслись приглушенные смешки – шутка была оценена. – Явиться на бал в красном, в красном!!!

– Хорошо, что Жан не дожил до этого позора, – заметила первая. – Не удивлюсь, если его не убили, а он сам застрелился, поняв, что за безумную девицу сделал своей преемницей.

Подружки поддержали ее согласным щебетом.

– Почему же, – не выдержала я, заворачивая за угол, – он не застрелился. Я сама его застрелила, чтобы завладеть наследством. Я слышала, оно того стоит.

– Возмутительно, – пискнула похожая на стрижа шатенка с короткой стрижкой и, осекшись, взглянула на миниатюрную брюнетку в черном бархатном платье с узкой юбкой – том самом, которое было похоже на перевернутый бокал для шампанского. Ту самую, которую я приняла за Вивьен Ли. При ближайшем рассмотрении вампирша оказалась всего лишь приблизительной копией. Миловидное личико, чуть раскосые глаза, губки бантиком – пустышка, которая примерила на себя образ голливудской кинозвезды, но так и не смогла приблизиться к Скарлетт О`Хара.

В ее серых глазах промелькнула растерянность, но брюнетка быстро взяла себя в руки и нацепила на лицо светскую ухмылку.

– Вы, должно быть, ищете дамскую комнату? Она дальше по коридору.

Ненавижу лицемеров.

– Вот только не надо делать вид, что ты меня не поняла из-за чудовищного акцента, – вкрадчиво сказала я, – которого у меня нет и в помине. Не хочешь высказать мне все, что накипело на душе, в глаза, а не за спиной?

– Мне нечего вам высказывать, юная леди, – холодно отрезала брюнетка, – так как я вас совсем не знаю. Позвольте пройти.

– Отчего же, Изабель? – не отступила я. – То, что мы не представлены друг другу, не помешало тебе обсуждать мое платье и мое поведение. Как ты там говорила? Позор?

– Позвольте, – она вздернула подбородок, – вы пьяны?

– А ты смертельно ядовита или так, притворяешься?

– Ты... – вспыхнула брюнетка, – ты недостойна носить кровь Жана в своих венах!

– Как это романтично сказано, – умилилась я и стерла улыбку с губ. – Ну так заberi ее у меня.

– Что? – Она вытаращила на меня прозрачные серые глаза.

– Это же так просто, – подначила ее я, сама не понимая, что на меня нашло. – Возьми кинжал поострее, пронзи сердце и выцеди всю кровь до последней капли.

– Ты сумасшедшая! – В ее глазах плескался ужас. Она оттолкнула меня и убежала, стуча шпильками по полу. Свита хлынула за ней, прижавшись к стене и боясь коснуться меня даже подолом платья.

Я прошла дальше по коридору и вошла в дамскую комнату. Из зеркала на меня смотрела я и не я. На моих губах играла неповторимая ухмылка Жана.

Я бросилась к раковине, зачерпнула горсть воды, оказавшейся совсем ледяной, и принялась с ожесточением тереть губы, желая смыть эту ненавистную мне

ухмылку. Когда пальцы и губы свело от холода, я подняла глаза на зеркало и вздрогнула: в нем отражались двое.

– Все в порядке? – спросила Вероник у меня за спиной, пристально глядя на мое отражение в зеркале.

– Д-да, – я некрасиво клацнула зубами и отметила, что губы у меня после умывания стали голубого цвета.

– Вот, возьми. – Вампирша вынула из клатча серебристый футляр с помадой.

– С-спасибо. – Дрожащей рукой я нарисовала себе губы.

Помада была карамельного цвета, не подходила к платью, но все лучше, чем синие губы.

– Я уж решила, что здесь объявилось фамильное привидение. Изабель и ее подружки неслись отсюда, как угорелые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nabokova_yuliya/shershe-lya-vamp

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)